

ЖИЗНЬ РАСЦВЕТАЕТ

(П О В Е С Т Ь)

Заснеженное шоссе, укутанное рубчатыми следами автомобильных шин, огибало широкий степной лог и, вытягиваясь за ним в ровную линейку, бежало дальше по простору степи, то ныряя в балки, то снова показываясь на гребнях увалов.

В логу, под пригревом весеннего солнца, горбилась обтаявшими крышами Ореховка.

Непрерывным потоком мчались по шоссе машины. На их кабинах, на бортах кузовов белели надписи: «Смерть немецким оккупантам!» В этих словах, в стремительном беге машин, в напряженных лицах солдат, тесно сидевших в кузовах, в гуле пролетавших над дорогой самолетов, было что-то захватывающее, торжественное и грозное.

Мартовским полднем одна из машин, дойдя до окраины Ореховки, вывернулась из общего потока на обочину дороги и, замедлив ход, остановилась.

Из кабины, опираясь на костыль, вылез плечистый сержант в длинной шинели. Одна нога у него обута в сапог, а вместо другой из-под шинели видна темная деревяжка — видно, фронтовик еще не привык к протезу или решил побереечь его в дорожной суতোлке.

Худощавое лицо сержанта, с резко выдавшимися скулами, было бледным. Косой шрам, пересекавший правую щеку от виска до уголка губ, и глубокая складка у переносицы придавали лицу выражение суровой сосредоточенности.

— Ну, вот я и дома, — проговорил сержант, закидывая на спину вещевого мешок и пристально всматриваясь в улицы села. — Будешь в наших краях — заходи в гости, спросишь Андрея Бахмутова, — добавил он, прощаясь с шофером.

Машина ушла. Андрей посмотрел ей вслед и, когда она скрылась вдали в его темносерых глазах отразилась грусть, словно оборвалась какая-то нить, связывавшая его с фронтовой жизнью.

Не так, совсем не так думал он закончить войну. Коней ее рисовался Андрею картиной последнего и самого жестокого боя на каком-то громадном поле. И вот закончился величайший из всех боев. Всюду, куда хватал глаз, горами лома высились остовы танков и исковерканные орудия. Валялись пулеметы, гранаты, снаряды, винтовки. И крутом горы трупов в серо-зеленых мундирах с паучьей свастикой на рукавах.

Не довоёвал Андрей до этого решающего боя. Далеко впереди были теперь его боевые друзья. Ушли они, преследуя отступающего врага, а он, Андрей, остался. Его привезли в госпиталь... А теперь перед ним недавно освобожденная родная Ореховка.

Бороздя костылем рыхлый шуршащий снег, шел он по знакомой улице. Тихо, безлюдно. Лишь изредка покажется согнутая фигура женщины, с охапкой хвороста за плечами или с ведрами на коромысле.

Горячо пригревало солнце. Значит, скоро весна. В голубой вышине медленно плыли белые, пронизанные солнцем облака. В садах с шумом осыпался иней, оголяя мокрые тёмно-красные ветви. По ним, звонко переключаясь, прыгали птицы, бусинками глаз осматривали кору и постукивали по ней клювами. Серебристые сосульки, повисшие с крыш, роняли чаще радужные капли.

От поворота улицы увидел Андрей свою хату. Приземистая, с широкой соломенной крышей, низко нависшей над окошками, она была похожа на подростка в большой, налезавшей на глаза отцовской шапке. Узенькая дорожка со свежими следами ног тянулась от калитки к дверям через занесенный снегом двор.

«Кто-то встретит меня?» — подумал Андрей, вступив на дорожку. Кровь прилила к его лицу. Он приподнял фуражку, рукавом шинели вытер запотевший лоб и, глубоко вздохнув, открыл скрипучую дверь.

Маленькая, сухая, еще больше поседевшая мать, в длинном клетчатом Платье встретила его у порога. Ахнув, ослабевшая, опустилась на лавку и осталась неподвижной, с глазами, устремленными на сына. Крупные слезы набухли на ее выпцветших ресницах и скатились по морщинистым щекам.

— Здравствуйте, мама, — дрогнувшим голосом проговорил Андрей и, нагнувшись, поцеловал ее в щеку.

Она порывисто встала и прижала голову к его груди.

— Андрюша... Сынок!.. Как же ты?..

Андрей украдкой смахнул навернувшиеся слезы и осмотрелся. В хате больше никого не было. С чувством смутной тревоги он посмотрел на мать. Она поняла его немой вопрос.

— Нету, сынок... нет Татьяны... Со скотом ушла... Придет.

Он снял вещевой мешок и, не раздеваясь, опустился на лавку.

— И отца нашего нет, Андрюша, — говорила мать, уголком фартука утирая глаза. — Четыре дня поболел всего... Письмо мое получил тогда?

— Получил, — глухо ответил Андрей.

Всхлипывая и вздыхая, мать рассказала, как умирал отец, как провожала Татьяну.

— А скот куда же погнали? — спросил Андрей.

— К Кизляру собирались гнать, а уж где остановились, — не знаю, сынок. Теперь, может, вернуться скоро.

— Бой был здесь, когда немцы село занимали?

— Нет. Нас они как-то стороной обошли. Сначала город заняли, а потом уже приехали. Хотели было заставить пшеницу убирать, а она за ночь выгорела до колоска. Теперь все знают: Наталья Донцова сожгла. И жалко нам было и радовались мы, что немцам ничего не досталось. Попили они тут нашей крови. Учителя твоего — Степана Ивановича — убили и с книгами около школы сожгли. Ребят, девчат сколько из села угнали. А когда отступать начали, взялись жечь, взрывать все. Слышу я, около пруда: бух, бух. Вышла из хаты, смотрю: горит наше правление. Над гидростанцией пыль белым столбом стоит...

Андрей резко поднял голову:

— Взорвали?!

— Взорвали, сынок.

— А машины?

— Машины спрятаны были. Их до немцев еще Жигулин с девчатами разобрал и в землю зарыл... А тут вижу — немцы бегут от гидростанции к школе и на колхозный двор. Обмерло у меня все: наше ведь добро губят! Слышу, стрельба уже около села идет, а они жгут. Тут Самсонов из хаты выбежал. Сделался старик сам не свой. Зима, а он без шапки, в одной рубашке, борода растрепана, кричит не своим голосом: «Что вы делаете, собаки!» Потом кинулся он в сарай — не знаю, где он там винтовку взял, или раньше она у него спрятана была, не знаю, — слышу — бах и свалил одного немца около школы. Другие, было, к нему во двор бросились, а он еще одного в воротах положил. Тут танк, наш подошел. Увидели его немцы да к своей машине бежать, а танк к-а-ак ахнет из орудия — раз, другой, и машина, и немцы — все под метелку! Сколько радости было, когда наши пришли!

— Да что же это я сижу, беспамятная?! — встрепенулась вдруг мать. — Тары-бары, а тебе и молока не налила, — и, поднявшись, засуетилась по комнате. — Раздевайся, сынок, что ты гостем сидишь... Я сейчас... — она сокрушенно покачала головой и вышла в сени.

Андрей снял шинель, аккуратно расправил гимнастерку и сел к столу. Напротив него, рядом с маленьким зеркальцем, висел портрет Татьяны. «Где-то ты теперь, Танюша?» — с грустью думал он.

Мать, войдя с кувшином в руках, остановилась перед ним и с минуту молча смотрела на его грудь, украшенную лучистым орденом.

— Большая у тебя награда, сынок.

В ее голосе Андрей уловил нотку гордости.

Налив в кружку молока, мать поставила ее перед Андреем, а затем, положила на стол темные лепешки, из которых во все стороны торчали жесткие остии ячменной полосты.

— Вот, сынок, каких мы тут ежей печем. Подчистую ограбила нас немчура. Коров по дворам и половины не осталось. Свиной, птицы какой и в помине нет. От артели нашей одно название... А людей сколько сгинуло. Остались женщины, детвора да старики кое-какие — бедуют. У кого еще картошки есть малость или коровенка уцелела, а у других ничего. Не знаю, сынок, как жить теперь будем.

— Будем, мать. Жить мы будем.

— Жигулин вчера на артельном дворе был, оттуда к нам ангел, чуть не плачет, бедный. Бил, говорит, немцев да мало... Он в партизанах все время был. Дня три, как домой вернулся.

— И старику воевать пришлось?

— Воевал. Наталья Донцова с ним была, тоже пришла, а Павла ее нет. Копали наши окопы за огородом, он продукты туда повез. Утром уехал, а в полдень сюда пришли. Где теперь он, где остальные — неизвестно.

* * *

Глухо на просторном дворе артели. То оглобля, то ржавый угол бороны, то крыло жатки высывалось в разных местах из грязно-белой пелены снега. В одном углу краснел обтаявший ящик сеялки. Андрей подошел ближе, откинул крышку и грустно улыбнулся. На внутренней стороне белела надпись: «А. С. Бахмутов». Это была его сеялка. Каждую весну алел на ней флажок первенства.

Ветер гулял по пустому двору. На крыше конюшни скрипели сорванные листы железа. Покосившиеся двери амбаров открыты. В кузнице виднелись занесенные снегом горн и сплюснутый мех. В дверях коровника белел островерхий сугроб. У Андрея защемило сердце. И уже не сугроб — белый передник Татьяны видел он. Сколько раз возвращаясь вечером с поля, встречал он ее здесь. Полная, розовощекая, она выходила из дверей с подойниками парного молока и, улыбаясь, блестя синими глазами, говорила:

— Полные навстречу несу — счастье будет, Андрюша!

Андрей с силой надавил на костыль и, глубоко вздохнув, перешел к закопченным стенам сгоревшего здания правления. За ними, словно огромный череп, пустыми провалами окон смотрела школа. У пруда видна гидростанция, с обваленными стенами. Недалеко от нее был клуб. Косой гребень сугроба тянулся с улицы на его широкую веранду. На крыше, зацепившись оборванными проводами, висел на тонком шесте металлический репродуктор. Раскачиваемый ветром, ударялся он о шест и глухо позванивал.

Кажется, совсем недавно выезжал Андрей по утрам из этого двора на тройке сытых лошадей, запряженных то в плуг, то в сеялку или в жатку. Недавно руководил он комсомольской бригадой строителей. Это их молодыми руками построены школа, гидростанция и клуб. И в клубе в день его открытия отпраздновали комсомольцы веселую свадьбу Андрея, своего вожака. Каким же коротким было это счастливое время!

Отсюда, с этого двора провожала его Татьяна в поход. Она не плакала крикливым женским плачем, но никогда не забудет он ее тоскливых васильковых глаз.

«Надеемся!..» — напутствовали уходящих те, кто оставался здесь. Не забывал Андрей этого наказа.

«Надеемся на Бахмутова», — говорили бойцы и командиры на ночном собрании в блиндаже, когда решался вопрос о приеме Бахмутова в партию. — «Оправдаю высокое звание коммуниста в бою», — заверял Андрей. В последней атаке он первым ворвался во вражеские траншеи. А вот как тут ворваться в эту тишь, чтобы победить?

Дома Андрей застал полную хату женщин. Не надо было спрашивать их, как они жили это страшное время «под немцами»... По худым лицам, по одежде видно — худо жили.

В углу сидели два старика. Один, с смолисто-черной курчавой бородой, одетый в прочный армейский полушубок, кузнец Жигулин. Его смуглое лицо с быстрыми черными глазами, казалось, хранило в своем медном отблеске свет кузнечного горна. Другой, в длинном тулупе с поднятым воротником, — огородник Самсонов. Желтая, глянцево-блестящая лысина у него так широка, что почти совсем вытеснила седые волосы. И они, резко оттененные черным мехом воротника, узким венцом белели вокруг головы. А борода, белая, словно взбитая пена, попрежнему двумя пышными клиньями стелилась по груди.

Андрей разделся. Старики здоровались, с уважением смотря на его орден и называя по имени и отчеству. Женщины» протягивая руки, гомонили все разом:

— Видно, что воевал человек.

— Ордена-то зря не дают.

— А ноги-то нету.

— Такой пришел, и то хорошо.

— О-ох, как-то наши теперь там?

— Не горюйте: отвоюются — придут и наши.

— Скорей бы.

Долго, обстоятельно рассказывал Андрей о фронте, о своем ранении, о последних новостях.

— Теперь уж верх наш. Еще разочка два — три ударят так, как под Сталинградом, и — духу немецкого не будет на русской земле.

— Ну, а мой Алексей, как там? — спросила Кузьминова, испытующе смотря на Андрея.

— Живой был. Снайпером в моем отделении служил.

Пелагея Морозова подвинулась к Андрею.

— Семен мой, тоже с вами был?

— Был. Он да Тимофей Лавров — пулеметчики. Обоих медалями «За отвагу» наградили.

Морозова улыбнулась. Мать Лаврова горделиво заметила:

— Тимошка-то мой с детства отчаянный был.

Позади Лавровой стояла мать Николая Найденова, погибшего на фронте в начале войны. Сдерживая слезы, она концом платка утирала покрасневшие глаза. Ее дочь Наталья, вышедшая замуж за бухгалтера артели Павла Донцова, наклонясь, шептала ей что-то укоризненное.

Заговорили о хозяйстве.

— Какие у кого планы? — спрашивал Андрей.

— Приниматься за работу, вот какой план, — предложил Жигулин.

— С какого конца заходить-то? — со вздохом проговорила Фисенко. И Морозова вздохнула.

— Страшно начинать без мужиков.

— А что страшного? — задорно спросила Наталья Донцова, выдвигаясь вперед. Лицо ее зарумянилось от волнения. — Что же теперь, сидеть да ожидать будем, пока манна с неба начнет сыпаться.

Донцова, как и Жигулин, была в сапогах и полушубке. В руках держала солдатскую шапку-ушанку с алой звездочкой. Ее обветренное чернобровое лицо с большими карими глазами и темным, похожим на дробинку пятнышком родинки над левой бровью, носило на себе отпечаток той мужественной, решительности, который накладывает война на лица воинов.

— А солдаты домой придут, чем встретим их? В глаза стыдно будет глянуть! — поддержала Наталью Ксения Сорокина, маленькая, бойкая, с круглым веснуцатым лицом, коротким вздернутым носом и живыми светлосерыми глазами.

— Ждать тут не приходится, голова его кувшином, — степенно рассуждал Самсонов, оправляя бороду. — Хозяйствовать мы остались...

— И хозяйствовали, и управлялись со всем, — перебила его Кузьминова, — да теперь-то что делать? Ведь ни в конюшне, ни в амбаре...

— Подожди, Арина! — остановил ее Самсонов. — На огороды семена есть — осенью я кое-что припрятал, — пояснил он Андрею, — а землю, что ж — руками вскопаем.

— А в степи как? — спросила Фисенко. — Зерна ведь — на погляд нету!

Самсонов задумался, озабоченно наморщив лоб и, словно обращаясь за советом, вопросительно взглянул на Андрея.

— Искать будем, — ответил Андрей. — Ссуду попросим у государства, а без посева не останемся.

— А кто же у нас старшим теперь будет? — спросила вдруг Лаврова. — Председатель воюет, из правления один Сергей Петрович остался, — она кивнула в сторону Самсонова.

— Собрание будет, Марфа Григорьевна, там и выберем всех, — ответил ей Самсонов. — Найдутся люди.

II

Засветло окончилось в клубе собрание, но еще долго большая комната, от многолюдья ставшая тесной и жаркой, гудела возбужденными голосами. Лишь в сумерках расходились по домам.

Простившись с подругами, Донцова повернула к своей хате. Не знала Наталья, что тот, о ком незаживающей ранкой болело ее сердце, всего на несколько минут раньше подошел к хате с другого конца улицы и сидел сейчас в комнате, слабо освещенной мигающим каганцом.

— Павлуша! — вскрикнула она, едва ступив на порог, и смеясь и плача обняла шагнувшего к ней навстречу мужа.

— Я-я... Наташа, — я!

— Вот и дождалась, наконец, — обрадованно говорила мать Натальи Ефросинья Степановна. — Все горевали тут, где он, что с ним...

За столом Павел рассказывал:

— Приехал я к нашим на окопы, сдал продукты и к вечеру домой собрался. Подъезжаю к городу, а оттуда, навстречу мне, машины, подводы, люди с узелками бегут. Что такое? Оказывается, немцы подходят. Стрельба поднялась. Тут самолеты налетели, что было — вспомнить страшно! Я по лошадям да обратно к своим, на окопы. Оттуда пять дней пришлось нам отступать вместе с фронтом. Лошадей наших мобилизовали. Елозин, Федоров — тоже под мобилизацию попали. Беленко добровольно пошел. Остались мы вдвоем с Серковым — оба глухари, я на правое, а он на левое ухо слабы.

— И Серков пришел? — спросила Евдокия Степановна.

— Пришел. Дома сейчас... Ну, а вы как тут жили?

— Хлебнули, Павлуша, горя. Да такого горького, что и сейчас никак не образуемся.

— А я тебя, Наташа, там среди эвакуированных искал.

— Не успела, Павлик. Конюхи, доярки со скотом ушли, в мы пшеницу, которую успели убрать, на машины грузили. Одна колонна ушла — ждем вторую, с нею сами приготовились ехать, а ее нет и нет. А немцы, оказывается, обошли нас

и заняли город... Ночью машины на гидростанции разобрали, в землю зарыли, имущество кое-какое припрятали. На другой день с утра никого не было. Стрельба чуть-чуть слышна уже далеко на востоке. Вышла я в степь, стоит наша пшеничка стена-стеной. Роняет зерно на землю, будто плачет. Заплакала и я. Домой иду, а она перед глазами стоит, из головы не выходит. «Кому, — думаю, — теперь она достанется?»... И вот — пришли собаки! Залетел сначала танк. Пыль поднял на все село, стреляет кругом, плетней сколько поломал. Потом солдаты на машинах приехали. И началось. Тот кур стреляет, другой гусей палкой бьет, этот поросенка тянет. В садах деревья трещат... Вывели из школы учителя и расстреляли, прямо на площади. Потом нас всех туда согнали. Офицер влез на танк и давай приказывать, чтобы завтра все выходили на работу: хлеб убирать и сдавать им, немцам. За это, говорит, получите деньги и товары. Говорил, говорил немец, а потом на убитого учителя показал: вот, мол, всем так будет, кто на работу не пойдет. Идем домой. Ксения Сорокина говорит: «Девчата, бабы, на работе только маячить, абы день до вечера». А Пелагея Морозова: «Теперь соревноваться будем, кто меньше сделает». Плачем. Дождалась я ночи, оставила маме записку, что ухажу в город к тетке, а сама через сады да в степь. Вышла на свой участок, тихо, темно. Стала пшеницу дергать, руки дрожат, сердце колотится. Спичек с десятков поломала, пока зажгла.

Лицо Павла удивленно вытянулось:

— Зажгла?!

— Зажгла, Павлик, и так мне сразу легко и спокойно стало. «Вот, — говорю, — вашей империи моя пшеница!» А сама в лозняки и к утру уже в городе была.

— Отчаянно, — проговорил Павел и покачал головой.

Мать гордо улыбнулась.

— Ты дослушай, Павлуша, как она воевала. А я пойду чай подогрею.

Павел широко раскрыл глаза.

— Воевала?!

— Пришлось, Павлик, и повоевать. Жила я у тетки, немцы дороги ремонтировать гоняли, платили горстью горелой пшеницы. И такая жизнь нудная была, день годом казался. Другой раз скажет тетка: «Сколько же времени так будет?» А кто знает. «Недолго, говорю, потерпим, Егоровна, вот соберутся наши с силой, да как ударят»... Говорю, а самой так обидно: люди воюют, работают, а мы сидим, как в могиле. И вот иду однажды по городу, дождь моросит, слякоть, дома разбитые, в развалинах ветер свистит, будто собака о покойнике воеет... Догоняет меня человек. Низенький, черный, плащ на нем рваный и сумка большая. «Здравствуй, — говорит, — Наташа». Глянула я на него и слова не выговорю — наш кузнец Жигулин. — «Я, — говорю, — думала, что вы... вы... Аким Демяныч...» Покраснела, стыдно мне его нищим назвать, а он, видно, догадался и говорит: «Нищий, Наташа, нищий. Хожу вот христарадничаю, ничего не поделаешь, время такое». Идем, разговариваем. Он спрашивает, я рассказываю, а сама думаю: «Чем бы это старику помочь?» Так мне жалко его было, аж слезы навернулись. Пришли к нам. Тетки не было. Угостила я его чаем и рассказала, как пшеницу спалила. Он и стакан поставил. Сразу вижу — другой стал. Взял меня за руку и говорит: «Молодец, Наташа!» Уже не таясь, рассказал он мне о партизанском отряде. Поняла

я тогда, чего ради он нищим по городу расхаживал. Стала в отряд проситься, а он: «Нет, — говорит, — ты в городе живи. Тут разведку будешь вести, это для нас важнее важного». Было у него задание — разведать станцию, а к ней и подойти близко нельзя: немцы запретную зону сделали. Долго мы это дело обдумывали и пришлось мне поступить в певчие городского собора.

Павел высоко поднял широкие темные брови.

— В певчие? - недоуменно переспросил он. — А причем они здесь?

— А вот слушай. — Пели мы в церкви на хорах, а там кругом окошки и из них всю станцию, как на ладони видно. Служба идет, а я наблюдаю. Домой приду, все на заметку беру. На другой день в церковь иду, бумажку заверну в деньги и на паперти Жигулину передаю, вроде милостыни.

Павел не переставал изумляться.

— Во-о-он оно что-о... Здорово! Ну, а потом?

— Потом через неделю, ночью, вся станция с эшелонами, складами, взлетела на воздух...

— Напела! — восхищенно воскликнул Павел.

— Напела... Тетка моя перепугалась, крестится, охает, а у меня — душа поет. Так бы и заплясала по комнате. Потом я немецкий штаб разведала, за передвижениями частей следила, а когда начались бои в городе — санитаркой была.

— А кто же командовал у вас? — спросил Павел.

— Командиром отряда Демин был, секретарь райкома. Начальником штаба директор завода Садовников. В отряде тоже почти все заводские были. Теперь они завод к пуску готовят.

— Ну, а нам, кажется, нечего пускать, — сказал Павел.

Наталья вздохнула.

— Завтра, Павлик, посмотришь. Много теперь у нас работы. Все хозяйство снова поднимать надо. Сегодня собрание было. Демин приезжал. Рассказал, какие теперь наши задачи, помощь какая нам от государства будет. Так ободрил всех... Правление избрали.

— Кого председателем?

— Бахмутова.

— Андрея Бахмутова? Разве он пришел?

— Пришел. Без коги, бедняга, остался.

— А члены правления кто?

— Жигулин, Самсонов, Сорокина и... я.

— Ты?

— Да. Я теперь бригадиром буду в первой бригаде.

— Ну, и что решили?

— Решили, Павлик, пахать, сеять, огороды сажать.

— Решили. А чем пахать? Сеять чем?

— Запряжем коров, а там, может, лошади придут. Под огороды лопатами вскопаем. Овощные семена есть, а для потей семенную ссуду получим. Демин твердо обещал. Ну что ты, Павлик, такой невеселый?

— Я... Да нет, я ничего, — словно очнувшись возразил он.

Наталья потрогала кончики его усов.

— Не идут они к твоему лицу.

— Это для солидности.

— На старика похож.

— Теперь помолодею. — Павел крепко обнял ее.

* * *

— Вот, Афанасьевич, пока и все наше хозяйство, — говорил Андрей, проходя с Павлом по артельному двору.

Павел осмотрелся. На середине двора, вокруг приведенных коров, сутились женщины, прилаживая упряжь. Коровы влажными ноздрями втягивали запах оттаявшей земли, мычали и вырывались из рук. Самсонов сутился здесь же.

— Как это не пойдут, голова его кувшином? — досадливо возражал он кому-то. — Раз не пойдут, два, а на третий пойдут, терпение надо. Кошка мышь ловит и то сколько над норкой сидит, голова его кувшином, а ты хочешь, чтобы коровы сразу тебе в галоп поскакали... Ну-ка, подгоняй!..

В крайнем амбаре очищали и взвешивали огородные селена, и освещенная солнцем пыль, кружилась у дверей.

В кузне стучал молот.

— Ну-ка, Вася, нажми! — покрикивал Жигулин подростку Кузьминову, своему подручному.

Тот, приседая, качал коромысло горнового меха. Горн гудел. Желтый сноп пламени трепетал над ним. Потный и веселый Жигулин, в дырявом кожаном фартуке, длинными клещами выхватывал из горна раскаленный лемех, бросал его на наковальню и дробно бил молотком, рассыпая вокруг искристый дождь окалины. Звон наковальни разносился над селом, мешаясь с карканьем грачей, на приречных вербах.

— Важно, Афанасьевич, что начало есть, — говорил Андрей, — а там постепенно опять хозяйством обрастет.

— Долго будем обрастать, — невесело заметил Павел, махнув рукой.

На худощавом лице его с большим хрящеватым носом и черными, будто приклеенными, стрелками усов, лежала печать подавленности.

Наталья с укором взглянула на Павла. «Раскис», — подумала она с горечью.

Скользя по грязи, размахивая руками, все трое шли в клуб. Под заборами белели полосы еще нестывшего снега. Размокший чернозем тяжелым грузом прилипал к ногам.

В большой комнате за длинным столом сидел старик-учетчик Коленкин, Опустив очки на кончик носа, дымя коротенькой трубочкой, наморщив и без того морщинистый лоб, он что-то подсчитывал, записывая цифры на сером обрывке бумаги. Увидев вошедших, он положил карандаш, зябко поежился, крикнул, потер красные от холода руки и плотнее запахнул старенький полушубок с черной заплатой на плече.

В комнате было неуютно. Лишенная мебели, она казалась непривычно большой. Давно небеленые стены были темны. По углам виднелись зеленые пятна плесени. Сквозь щели в окнах, заклеенных бумагой, тоненько посвистывал ветер.

— Вот это канцелярия наша будет, — сказал Андрей.

— Книг, документов не осталось? — спросил Павел.

— Ничего не осталось. Тебе, Афанасьевич, в город придется поехать, поискать там бумаги.

— Да, придется...

Задумчивым вернулся он домой. Ефросинья Стефановна подала обед.

— Ты, Павлик, совсем духом упал, — говорила Наталья, садясь за стол и заглядывая в лицо мужа. — Я ожидала тебя бодрым, веселым, как раньше, думала, меня поддержишь, а ты сразу руки опустил.

— А тебе весело было, когда такую разруху видела?

— Веселого, Павлик, мало, но раскисать не надо.

— Я не раскисаю, — угрюмо отозвался Павел, мешая в тарелке жидкий суп.

III

Солнце садилось. Его косые лучи играли на мокрых ветвях приречного лозняка, на темных кустах прошлогодних: бурьянов. Рябины снега, утром еще белевшие на пологом склоне, где были огороды артели, стояли. Весь склон был чёрен.

Самсонов сегодня уже второй раз медленными, широкими шагами, по щиколотку утопая в размокшей почве, прошел вдоль своего склона и вернулся в село.

— Та-а-к, хорошо-о, хорош-о, — повторял он, что-то обдумывая.

Встретив около клуба Андрея, доложил:

— На огородах протаяло.

— А сыро еще?

— Сыровато, голова его кувшином.

— Не нынче-завтра, Сергей Петрович, копать надо.

— Копать, безотлагательно копать!

И люди взялись за лопаты. На обширном склоне виднелась длинная цепочка работающих. Ритмично раскачивались фигуры плохо одетых людей. Впереди цепочки ширилась черная полоса вскопанной земли.

Самсонов копал не разгибаясь. На его согнутой спине по холщевой рубашке все шире и шире разрасталось темное пятно пота.

Рядом с Самсоновым копала Донцова. Она не останавливалась, чтобы обтереть пот, а резко качнув головой, заставляла его падать с красного от напряжения лица мелкими светлыми капельками.

— Вот липнет, будто не земля, а замазка, — глубоко и часто дыша, говорила Сорокина, очищая лопату.

— Тут баранину есть надо, а я утром супцу хлебнул, тай годи, — рассказывал Самсонов. — Ну, ничего, не горюй, не горюй, девки-и-и! Урожай снимем, овец разведем — жаркое есть будем! — Он глубоко вонзил лопату и перевернул огромный ком земли. — Опять сами хозяева, вот в чем сила, голова его кувшином.

Донцова, остановившись, потрогала губами водянистую мозоль на ладони.

— Не тронь, Наташа, сама прорвется, — посоветовала Сорокина.

— Жди, когда прорвется. — Наталья осторожно прокусила кожуцу пузырька.

— Болеть будет, голова его кувшином, — заметил Самсонов.

— Не-ет, теперь не жжет, — удовлетворенно проговорила Наталья и снова взялась за лопату.

Морозова разогнулась и, очищая лопату, вдруг побледнела. Она опустила на землю и провела рукой по глазам. Скрывая охватившую ее слабость, торопливо сняла опорок с ноги и, перевернув его, встряхнула, будто выбрасывая попавшую туда землю. Наталья заметила происшедшее. «Ослабела, голова кружится. Надо ей хоть по бутылке молока давать», — решила она и в перерыв спросила:

— Поля, ты что же сегодня за мной не заходила?

— Я, Наташа, другой улицей шла.

— Завтра обязательно зайди.

— Хорошо, зайду.

* * *

Поздно вечером пришла Наталья домой. Ныли руки, болела спина. Расслабленное, потерявшее упругость тело просило покоя. В хате было темно и тихо.

— Мам, вы дома? — спросила Наталья с порога, но ответа не услышала.

Ощупью она нашла спички и зажгла бережно хранимый огарок свечи. Его трепетный свет отодвинул темноту в углы комнаты. На кухонном столе заблестели консервные банки с яркими этикетками. Около них горкой белели какие-то кульки и большой сверток накрест перевязанный синей тесемкой. Наталья с удивлением осмотрелась, заглянула в горницу. Павел, склонившись на постель, крепко спал. «Приехал!» — обрадованно подумала она. Осмотрела привезенные подарки, переделась. Долго мыла руки. Потом поцеловала спящего мужа.

— Вставай, Павлик. Давно приехал?

— Давно. Часа три уже дома.

— Ты в городе что-то долго задержался?

— Дела, — неопределенно проговорил Павел.

— А у нас весна настоящая. Мы сегодня огороды копать начали, — похвалилась Наталья.

Павел поморщился.

— Руками накопаешь.

— Ого, еще как! Два гектара с лишним подняли. Моя бригада впереди всех идет.

Павел посмотрел на ее оживленное лицо, на припухшие ладони.

— И ты копала?

— А как же?

— Ты же бригадир.

— Ну так что? Я и должна пример показывать. — Она вспомнила Морозову и добавила: — Да я и покрепче других.

— Н-да...

— Это ты привез?

— Я. Там у нас достал.

— Где?

— К Сипягиным в городе заходил, это подарок от них. Привет тебе передают.

— Спасибо.

Павел встал, прошелся по комнате, снова сел и покрутил стрелки усов.

— Вот, Наташа, живут, так живут. Одна квартира чего стоит: простор, чистота, уют... Он работает, она хозяйничает по дому... Нам бы так пожить!

— Мы скоро заживем получше ихнего. Ну, квартиры там у них хорошие, а у нас еще лучше будут.

— Будут, — с досадой перебил ее Павел. — Кто это нам их построит? В этой хате век вековать. А в городе снабжение плановое налаживается. Там о хлебе думать не приходится... Поговорил я там кое с кем. Счетных работников нарасхват берут... Словом, я уже нашел работу, квартиру... Завтра можем переехать.

Наталья молчала, опустив голову. Дневная усталость, будто удвоившись, чугунной тяжестью обняла ее тело.

— Значит, уже договорился?

— Люди везде нужны, Наташа. Сразу и в штат зачислили... Промышленное предприятие снабжается по первому списку. И освещение, и отопление готовое.

Наталья осталась неподвижной. Перед ее мысленным взором встали зеленеющие хлеба, чуть-чуть тронутые позолотой первой спелости. Это ее труд волнами переливался под легким дуновением степного ветерка. Ее радость сверкала на усатых колосьях алмазной россыпью утренней росы. А там «он работает, она хозяйничает по дому». Кухня, примус «О хлебе думать не приходится», как же это не думать о нем?

Павел выжидательно смотрел на жену. Видел, как вздрагивают ее длинные, густые ресницы. Она готова заплакать. Он подошел к окну. Выходила луна, освещая купы старых верб. Павел не строил артельного хозяйства. Его отец, Афанасий Донцов, сельский коновал говаривал: «У меня специальность особая, не артельная». Он продал хату, корову, лошадь и уехал с семьей на заработки.

Побывал Павел с отцом в Астрахани, в Баку, потом переехали они в Ташкент, где отец заболел лихорадкой и умер, а Павел, уже двадцатилетний парень вернулся оттуда на родину. Вначале он работал счетоводом в пригородном совхозе, потом вступил в артель. Вступил из-за Натальи, на которой после долгого ухаживания женился.

Тогда артель получала многомиллионные доходы. Жить здесь было прямой расчет. А теперь? Все пусто, разорено. Какой смысл гореваться здесь? Может, лестно ей, что в члены правления избрали, бригадиром выдвинули? Двойная работа, а какая реальная доходность?

Наталья поднялась и подошла к нему. Положив руки на его плечи, сказала...

— Павлуша!.. Как же это? Бросить все, махнуть рукой да и уйти. Мы же не бродячие коновалы.

— Ты меня отцом попрекаешь?

— Нет, Павлик, нет. Твой отец был хороший человек. И ты хороший.

Стараясь не встретиться с ее взглядом, он чувствовал как глубоко дышит она, как волнуется.

— Останься, Павлуша! — горячо говорила Наталья. — Нет у нас пока ни обуви, ни одежды хорошей, светить в хате нечем, но это все будет, Павлуша. Ты посмотри, как люди работают сейчас!.. Всем хочется хорошей жизни, разве тебе одному?.. И она будет, эта хорошая жизнь, скоро будет! Останься!

Павел хотел и не мог отвести своего взгляда от ее блестящих глаз. С каким жгучим нетерпением ждала она его ответа!

Он колебался под этим зовущим и вопрошающим взглядом. В памяти его вставали то пустые сараи и амбары во дворе артели, то сырая комната в клубе. Он слышал, как там, в разбитом окне, тоненько посвистывает ветер. Поежилась, шевельнул плечами, словно уже сейчас прошла по его спине холодная струйка ветра.

Лицо Павла досадливо покривилось. «Распустила нюни! Весь свет для нее в артели клином сошелся. С этой хатой жалко ей расстаться, что ли?»

— Не знаю, чем тебе так уж дорога эта артель?

Наталья отодвинулась.

«Сейчас хныкать будет», — с неприязнью подумал Павел, но он ошибся.

— Не знаешь? Я знаю! — твердо и резко сказала Наталья, подняв голову. — Ты плохо знаешь, как мы строили артельное хозяйство? Мы не оставались в стороне, не ожидали пока кто-то построит, а мы придем на готовенькое да прикинем на счетах: «ага, теперь выгодно». Нет, Павлик, мы все строили сами. Работали вместе, вместе горевали и радовались вместе. И ты видел, какой богатой, счастливой была наша жизнь. За нее дрался и погиб брат Николай, я защищала ее, за нее воюют сейчас другие. Потому и дорога нам эта жизнь.

Голос Натальи звенел, глаза горели.

— Я хочу, — говорила она, — скорее, как можно скорее вернуться к прежней жизни. Сделать ее своими руками. Вот на ладонях у меня пузыри вздулись и лопнули, кровца пошла, жжет маленько. А мне радостно. Тебя, Павел, пугает труд. А что хорошее дается без труда? Пойми это!

Он, не ожидавший такой горячей речи, подавленно молчал.

Перед ним была не та Наталья, которую легко было огорчить, легко и развеселить. За минуту перед тем он считал ее готовой расплакаться только из-за того, что боязно ей оторваться от этой, огарком освещенной, низенькой хаты. А у нее вот какие мысли.

Наталья ждала его ответа.

— Я подумаю, — глухо выговорил он.

— Подумай, — повторила Наталья. — Тебе надо думать. А я из артели никуда не уйду.

На столе лежали привезенные из города подарки. Наталья не притронулась к ним.

В дверь тихо вошла Ефросинья Степановна.

— Здравствуй, Павлуша! — обрадованно проговорила она и, не заметив в полутьме комнаты его нахмуренного лица, пошутила:

— А мы думали, что тебя привязали в городе — нет и нет... А ты, Наташа, сходи в правление, Андрей Семенович просит, там кто-то из района приехал.

Наталья оделась и молча вышла.

* * *

Пока собирались члены правления, приехавший в артель секретарь райкома Демин беседовал с коммунистами. Желтый лепесток «каганца», мигая, освещал сидящих за накрытым красной скатеркой столом: Андрея, в распахнутой шинели, Серкова, в белом брезентовом плаще, вытертую кожанку Демина и его широкое лицо с большими серыми глазами и двумя глубокими бороздами по сторонам рта.

— Коммунистов мало у нас, — с сожалением говорил Андрей, — вот я да Серков на всю артель.

— Мало, — соглашался Демин, — но ты, товарищ Бахмутов, на фронте был, знаешь, что теперь и один солдат воюет, это одно, а другое — крепче сколачивайте вокруг себя свой актив — членов правления, бригадиров, звеньевых и всех передовых колхозников, вашу опору в работе.

— У нас, Илья Родионович, большинство людей так работают, что кажется, и спать готовы в степи, лишь бы скорей опять зажечь, как до немцев жили.

— О! — Демин многозначительно поднял руку. — О чем это говорит? — спросил он и ответил: — О том, что теперь уже наш народ никакими силами не заставишь пойти другим путем... Мы, коммунисты, должны возглавить этот трудовой подъем, быть впереди, как знаменосцы перед строем.

На веранде клуба послышались шаги. Самсонов, Жигулин и Сорокина вошли в комнату. Поздоровавшись с Деминым, разместились за столом. Последней пришла Донцова.

— Вот и молодуха наша! — сказал Самсонов, увидев ее.

Она невесело улыбнулась, поздоровалась с Деминым и присела к столу.

— Что-то скучная она у вас, — заметил Демин.

— Уморилась сегодня, — пояснил Самсонов.

— Нет, Сергей Петрович, не уморилась, — возразила Наталья. Глаза ее против воли наполнились слезами.

— Случилось что? — спросил Андрей.

Торопясь и запинаясь, Наталья рассказала о своей размолвке с мужем.

— Такое время горячее, а он уходит, — закончила она.

Андрей нахмурился. Хотел, видимо, крепко выругать Павла, но постеснялся Натальи и промолчал.

— Мы заедем к вам, повидаем парня, — сказал Демин, — поговорим с ним.

Наталья кивнула головой.

Андрей открыл заседание. Выступивший Демин напомнил, как важно сейчас для страны, для победы на фронте скорейшее восстановление хозяйства колхозов в освобожденных районах.

— Правительство, — говорил он, — выделяет для этого большие средства. Мы сейчас получили самое важное для нас — семена. Получили продовольственную помощь для организации питания в поле...

— Илья Родионович, нашей артели сколько зерна выделено? — спросил Жигулин.

— Вы получите двенадцать тонн, кроме того есть еще подсолнечник и кукуруза.

— Только паши да сей, — проговорил Самсонов. — Лошадей бы скорее вернуть — уцелели они, кет ли? — добавил он в раздумьи.

— Скоро узнаем, — сказал Демин. — Наши представители выехали в Дагестан. Все эвакуированное туда будет возвращено в район.

«Татьяна домой вернется», — подумал Андрей, улыбаясь своей мысли.

— Кроме того, — продолжал Демин, — рабочие завода обсудили предложение райкома о помощи колхозам и обязались отремонтировать трофейные тракторы. Первый из них получите вы, как подшефная заводу артель.

— А как же? Завод-то и мы помогали, оборонять, — сказал Жигулин, подмигивая Наталье.

Демин улыбнулся и посмотрел на своих недавних бойцов.

В конце выступления он коснулся вопроса о хозяйственных постройках.

— Их надо отремонтировать, — говорил он, — разрушенные — восстанавливать. Для этого, я думаю, в артели следует создать специальную строительную бригаду. Часть материалов получите из того, что есть в районе, а кое-что найдется у вас на месте.

— Мастеров у нас нет, голова его кувшином, — сказал Самсонов.

— Кузнец у вас есть, вот товарищ Серков — плотник, поручите ему бригаду, а там еще кого подберете, кого обучив те, — советовал Демин. — Время, Сергей Петрович, дорого, — продолжал он. — Больше сделаете теперь — меньше останется восстанавливать после войны, а значит, вы сможете тогда быстрее начать и успешнее решать новые задачи, по дальнейшему укреплению и развитию хозяйства артели.

После заседания Андрей вместе с Деминым уезжал в город. По пути заехали к Донцовой. Но Павла уже не было. Ефросинья Степановна с расстроенным лицом подала дочери записку: «Ната, — писал Павел, — я уйду в город. Думаю, что ты переменишь свое решение и согласишься со мной. Сообщи мне и я приеду заберу тебя». Дальше следовал адрес и размашистая подпись: «Твой Павел».

«Твой Павел», — с горькой усмешкой повторила Наталья. Обида, негодование были на ее лице. Влажными глазами она смотрела на Демина, судорожно глотая что-то мешавшее ей говорить.

— И двух годочков не пожилы вместе, — тихо произнесла Ефросинья Степановна.

Противной была сейчас для Андрея мелькнувшая в его память вытянутая фигура Павла и его худощавое лицо с черными усиками. «На готовое подался, шкурник».

— Ну, что же, Наташа, — заговорил Демин, — горе у тебя, конечно, большое. Нехорошо поступил твой муж, испугался трудностей, ушел. В такие вот моменты и узнаются настоящие друзья. Верный товарищ так бы никогда не поступил. Подумай хорошенько обо всем, оцени поступок мужа сама, и тогда уже решай: следует ли тебе идти за ним?

Глаза Натальи блеснули огоньком.

Когда Андрей и Демин уехали, Наталья, не раздеваясь, бросилась в постель и расплакалась. Мать, потупившись, сидела у окна и, взглядывая по временам на дочь, кончиком платка утирала глаза.

Долго плакала Наталья, кусая подушку и вздрагивая, а когда затихла, мать подошла к ней и, успокаивающе, с тихой лаской в голосе, сказала:

— Ты, доченька, не убивайся. Он еще вернется. Это ему сразу так страшно у нас показалось.

— Пусть вернется, когда хочет и куда хочет, — сухим, жестким голосом ответила она, — а в нашей хате делать ему больше нечего.

Гул мотора разбудил Ореховку. Он возник на окраине, и, заполняя тишину утра, покатился по улицам. Мощный трактор, лязгая гусеницами, осторожно прошел деревянный мост и въехал в село. За трактором, вздрагивая и покачиваясь на ухабах, катились длинные прицепы, вдавливая непросохшую податливую землю широкими ободьями колес. На прицепах белели штабелями наваленные пузатые мешки, а на переднем горой высился ворох груза, укрытый брезентом и увязанный веревками. Чумазый водитель трактора в замасленном полушубке сосредоточенно ворочал рычагами. Рядом с ним сидел Андрей.

Скоро трактор окружила радостно гомонящая толпа.

— Андрей Семеныч, — зерно? — словно не веря глазам, спрашивал Жигулин, стараясь перекрыть шум мотора.

— А здесь что? — допытывалась Сорокина, приподнимая край брезента и заглядывая под него.

Андрей весело шурился и на все расспросы отмахивался рукой: подождите, мол, узнаете.

Круто развернувшись у ворот, оставив на земле два ребристых полукруга, трактор вошел во двор артели и остановился у амбаров. Андрея, чуть не подняв на руках, сняли с сидения.

— Вот, товарищи, пришла нам помощь от государства, — торжественно сказал он, показывая на груженные прицепы. — Тяжело сейчас — война, а о нас, видите, не забыли... Развязывайте!

Десятки рук взялись за узлы веревок на переднем прицепе. Упал снятый брезент. Под ним были плотно зашитые кули с мукой.

Со всех сторон потянулись к прицепам руки. Хлопали по мешкам ладонями, толкали пальцами, мяли, заполняя двор радостно-взволнованными голосами:

— Мука! Да еще пшеничная!

— Ты зерно посмотри!

— Отборное.

— Как горох!

— Теперь-то уж — посеем.

Самсонов, держа на ладони увесистое зерно, говорил Жигулину:

— Как же тут, Аким Демьяныч, не скажешь спасибо нашему правительству? Ведь раньше случись такой разор — волком завыл бы, голова его кувшином.

— Куда там! — подтвердил кузнец. — А трактор тоже нам? — спрашивал он Андрея.

— Нам. Шефы и водителя своего дали.

— А где плуг возьмем? — обеспокоенно спросил Самсонов.

— Плуг, Сергей Петрович, есть. Ремонтируют его сейчас на заводе. Я вот думаю сразу и сеялку за плугов пустить, не знаю, найдем ли мы ее?

— В МТС надо поискать, найдем, — заверил Жигулин.

Донцова спрашивала Сорокину:

— Ксения, что тебе сегодня снилось?

Сорокина, вся засветившись радостью, порозовев веснушчатым лицом, крепко обняла Наталью.

— Не припомню, что снилось. А что-то хорошее. Ой, Ната, опять жить будем!

* * *

— Ну, что тут можно решить, Андрей Семеныч? — спросил Жигулин, когда в третий раз обошли двор МТС.

Андрей присел на лежавшее колесо от трактора и вынул затейливо расшитый кисет — новогодний фронтовой подарок.

— Все можно, — хмуро ответил он, — одного нельзя — уезжать отсюда с пустыми руками. Понял?

Тракторист молча осматривался вокруг, сокрушенно покачивая головой. Там, где были мастерские, склады, лежали груды развалин. На месте машинного сарая виднелись исковерканные остовы машин, присыпанные пеплом пожара.

До вечера копались в остатках машин, выбирая нужные детали и укладывая их на прицеп.

— Теперь у нас свой «Ростсельмаш» будет, и никаких зверей, — шутил Жигулин.

На другой день в кузнице и около нее кипела работа. Жигулин и Серков ковали, сверлили, ремонтируя и подгоняя детали. Время от времени кузнец выносил во двор готовую деталь и каждый раз приговаривал:

— Еще одна на сборку.

— Давай, Аким Демьяныч, давай, — торопил его Андрей. — Он и тракторист, постукивая ключами, ставили детали на место.

К концу третьего дня агрегат был готов.

— Целый комбайн посевной получился, — радовался Андрей, потирая руки. — Потянет? — спрашивал он водителя.

— Надо потянуть, значит, потянет.

— Добро, это по-нашему.

Утром агрегат вывели в поле. Донцова и Сорокина, не чувствуя тяжести мешков, засыпали семена в ящик сеялки.

— Готово, девки? — нетерпеливо спрашивал Андрей, влезая на трактор.

— Готово, готово!

— Ну, пробуй!

Водитель двинул рычагами. Мотор, повысив тон, зарокотал ровным напряженным гулом, попыхивая белыми кольцами дыма. Трактор вздрогнул и плавно тронулся с места. Плуг врезался в землю острыми клиньями лемехов, осел в ней и отвалил жирные пласты. Зубья борон впились в них, разламывая и рыхля глянцевику поверхность. Сошники сеялки прочертили неглубокие бороздки и в них пунктирными струйками упали зерна. Сзади, шурша и позванивая, поползли кольчатые шлейфы, хороня зерна.

Словно разматывая за собой отрез черного сукна, шел трактор по краю стогектарной клетки. Бахмутов, Жигулин, Серков, наблюдавший за плугом, Донцова и Сорокина — сеяльщицы, все, как дети, шумно радовались этой первой вспаханной и засеянной полосе.

— Теперь и в войсках Самсонова дух поднялся, — шутил Андрей, показывая на огороды.

Оттуда доносился веселый гомон. Оставив лопаты, все смотрели на трактор, козырьками ладоней прикрывая глаза от солнца.

На соседнем участке работали коровы. Медленно переступая, они тянули плуги. Размахивали кнутами, посвистывали подростки-погонычи. За плугами, по-мужски широко шагая, ходили женщины. Громче других покрикивала на свою упряжку Люба Беседина. По свежим бороздам перепрыгивали торопливые скворцы; черные грачи, зорко осматривая рыхлые комья, искали свою добычу.

На дороге, что шла в село, показалась фигурка во весь дух бегущего подростка. Ветер пузырем надувал на его спине синюю рубашонку. Быстро мелькали босые ноги, то перепрыгивая, то стороной обегая кочковатые места.

— Дядя Андрей, скотина пришла! — еще не добежав, крикнул паренек. Глаза его сияли. Передохнув, добавил: — и лошади пришли. «Майки» только нету, и «Орлика»...

Дальше Андрей не слышал. Кровь прилила к его лицу, розово окрасив полосу шрама. Не расспрашивая, он торопливо шел в село. Никогда, кажется, не досадовал от так на мешавшую ему деревяжку.

Еще издали он услышал мычание коров, ржанье лошадей, словно обрадованных возвращением домой. Андрей жадно вслушивался в переключку людских голосов, надеясь услышать чистый, звонкий голос Татьяны, такой родной и близкий, такой желанный.

«Как встретит сна меня? Что скажет, увидев деревяжку?», взволнованно думал он, входя в широкие ворота.

Демид Фисенко, Аким Безденежный, Петро Авдеев, конюхи, поили лошадей у колодца. Скот был уже в коровнике. Оттуда слышались голоса доярок. Андрей остановился в дверях, чувствуя, как гулко, часто бьется его сердце, толчками отдаваясь в висках. Взгляд его искал Татьяну. Ее не было. «Домой ушла? Отстала в дороге?» — терялся Андрей в догадках.

Анна Лаврова вышла из стойла. Увидев Андрея, она смутилась.

— Здравствуй, Андрюша, — сказала она, заметно дрогнувшим голосом и, опустив глаза, подала ему руку.

«Где Таня?» — хотел спросить ее Андрей, но почему-то не решался.

Торопливо, не поднимая глаз, Анна прошла в следующее стойло и там загремела цепью, привязывая корову. Другие доярки, с какой-то усиленной поспешностью суетились у коров, стараясь не встретиться с вопросительным взглядом Андрея.

Тяжелое предчувствие сдавило его сердце. «Где она, что с ней?»

Седоусый, до глаз заросший бородой, пастух Еремей Прохоров в изорванном полушубке и смятой фуражке, тяжело передвигая ноги, словно на его сапогах были толстые свинцовые подошвы, как-то боком подошел к Андрею и без улыбки проговорил:

— Здравствуй, сынок.

— Здравствуйте, Еремей Агафоныч. — А где же... Татьяна? — чуть не выкрикнул он, не выдерживая больше гнетущей неизвестности.

Еремей отвел глаза в сторону, пошевелил лохматыми бровями, пожевал губами и глухо, с усилием сказал:

— Бомбили нас, Андрюша... И Татьяну... — Не договорив, он умолк и опустил голову.

Что-то оборвалось в груди Андрея. На побледневшем лице его резко обозначались морщины.

— Насмерть? — спросил он, глубоко вдавливая в землю костыль.

Еремей утвердительно качнул головой.

Андрей еще раз окинул затуманенным взглядом обширный коровник и, тяжело опираясь на костыль, вышел из него. Слаб человек. Он не плачет, но он еле передвигает по двору свое непослушное израненное тело.

V.

На гибких ветвях вишен набухли и лопнули почки, и деревья побелели и разлили в воздухе пряный, миндальный аромат. Островками среди белизны маячат крыши хат.

Светлая зелень покрыла приречные луга. На степных пригорках рубинами покраснели лазорики.

Неутомимо, работала весна. Еще кружится в воздухе белый пух лепестков вишен и слив, а она уже обмыла сады теплым дождем и снова украсила их нежно-розовым цветом яблонь, примешав к нему изумрудную зелень распускающихся листьев.

В степи на черных квадратах посевов зелеными строчками показались стрелчатые всходы хлебов. В июне они поднялись в колено. Густые рядки слились в сплошное море бархатистой зелени, рябившей под ветром.

Не спалось Андрею в весенние ночи. Да и не одному ему. Ореховка просыпалась рано. В предрассветном сумраке со всех концов села к артельному Двору спешили люди, нарушая тишину раннего утра шорохом шагов и негромким говором.

Андрей торопливо завтракал, перебирая в памяти хозяйственные дела. Мать, вздыхая, смотрела на его худое лицо.

— Андрюша, ты бы, сынок, ходил поменьше — тяжело тебе.

Андрей отвечал:

— Я, мама, на ходьбу не жалуясь, смотрю, как у нас растет, поднимается все в хозяйстве и забываю, что хожу с подпоркой.

«Не жалуешься, — думала мать, а ночью стонешь». Подливая ему молока, вслух говорила:

— Ведь это беда: с зари до зари на ногах и на ногах, взял бы лошаденку какую и ездил бы на ней.

— Чего бы лучше, мама, да сейчас каждая лошадь для нас дороже золота. А вот забогатеем, на машине ездить будем!

Мать улыбалась.

— Хлеба-то как — растут?

— Как по заказу. Через месяц, пожалуй, убирать будем.

— Скорей бы, — тогда уж я тебя оладьями кормить буду.

— И булок с румяными горбушками напечете...

— Напеку. Поправляться начнешь, а то ты вон какой стал — худой да черный.

— Ничего, мама, на живых костях мясо нарастает.

Чистый небосклон румянился на востоке, обещая погожий день. Со степи, подняв облачко пыли, всхрапывая, гулко простучали копытами по деревянному настилу моста лошади. Трое подростков, размахивая локтями, проскакали сзади.

Из широких ворот артельного двора, навстречу Андрею выехала Пелагея Морозова. Кони впряжены в сенокосилку. Следом торопливой цепочкой шли женщины с косами и граблями на плечах. Наталья Донцова, в сапогах и накинутой на плечи фуфайке, шла впереди.

— Тимофеевна, — окликнул ее Андрей, — люцерну днем не копните: лист осыпаться будет.

— Знаю. Мы ее вечерком сложим.

Вниз по улице, к огородам шел Самсонов, окруженный женщинами с тляками и корзинами.

Во дворе Сорокина насмешливо говорила Авдееву:

— Вы вчера шапки снимали, догоняли все, а сегодня, верно, и рубашки снимете?

— Не потребуется, — басил грузный Авдеев, — мы и в рубашках обгоним.

— Посмотрим, — подтрунивала Сорокина. — Погоняй, Семка!

Босоногий Сёмка стукнул пятками в бока лошади, свистнул, махнул кнутом.

Из кузницы раздались звонкие удары молотка. Словно, отвечая ему, у школы раскатисто застучал топор. Там работала строительная бригада Серкова, уже закончившая ремонт хозяйственных построек.

По дороге к правлению, Андрей завернул к строителям. Ремонт шел быстро. Уже была починена крыша школы, еде ланы рамы, вставлены стекла. Женщины заканчивали побелку, Фисенко красил дверь, а Серков, собрав обрезки досок, ремонтировал крыльцо.

— Стучите? — спросил Андрей.

Плотник улыбнулся, вытащил изо рта гвоздь.

— Стучим. Нынче шабашить будем.

— Добро. На очереди, значит, клуб и гидростанция?

— С клубом, Андрей Семеныч, заботы мало: стекла вставить кое-где, подкрасить, побелить, а вот с гидростанцией дело табак — каменщиков нету. Были у нас Карпенко, Тебеньков, да где их теперь взять — саперами воюют.

Феня Крыльцова, слушавшая разговор, сказала:

— Дед наш по каменной части работал когда-то.

— Да, да, да! — обрадованно произнес Андрей. — Вот его-то мы и попросим, вроде инструктора. Ведь он же мастер. Сегодня дойду к нему, поговорю.

В правлении сидел Коленкин. Склонив голову на сторону, перебирал лежавшую перед ним стопку бумажек, щелкал костяшками счетов и что-то записывал в толстую книгу мелким убористым почерком.

— Столовая перевела деньги? — спросил Андрей.

— Еще нет.

— Пока не переведут — грамма овощей не отпускать.

— Понятно. Я их уже предупредил.

— Сколько у нас, Трофим Агафоныч, на счете?

— Триста тысяч сейчас.

— Добро. Надо будет расплатиться за 'упряжь, а остальное все пойдет на ремонт.

— Хорошо. Так и сделаем.

Коленкин раскурил трубочку, протер очки и снова защелкал костяшками.

Под окнами загудел, зачихал мотор, и старенький грузовик остановился против дверей. Из кабины выпрыгнул низенький человек с пышными усами, одетый в короткий серый плащ, полы которого разлетались в стороны, словно паруса. Андрей улыбнулся, узнав своего закадычного друга Нестера Семилетова. Вместе учились, вместе ловили в речке пескарей, вместе ходили на гулянки, а возвращаясь оттуда, так распевали «Ревела буря, гром гремел...», что бабка Акульшина, у которой жил Нестер, спросонок начинала креститься.

Сейчас Семилетов председательствовал в соседней артели имени Калинина.

— Здоровеньки булы! — басил он, входя в комнату.

— Я опять к тебе, Андрюша, выручай, брат, — говорил он, сразу приступая к делу.

— Что тебе?

— Жатки помоги наладить, у меня кузнец, сам знаешь, — холодный.

— Вези, — согласился Андрей. — Поможем.

— Я с кузнецом направлю, пусть подучится у Жигулина.

— Добро... Ты что, ездил куда?

— Доски искал, а нашел библиотеку — видишь?

У Андрея блеснули глаза. В кузове машины лежала стопка книг.

— Половину мне.

— Это можно. Ты все читаешь, учишься?

— Читаю. Больше знаешь — на земле как-то крепче стоишь.

— Ну, а мне не до книг: доски и во сне вижу.

— А я нашел. Поехал просить, мне говорят: поезжай, мол, на лесосклад, заberi все, что есть. Сказали в шутку, знают, что там пусто, а я обернул дело всерьез. Досок набрал там полвагона да еще гвоздей килограмм двадцать в придачу.

— Как?! — изумился Нестер.

— Забор разобрал. По-моему, пустому месту сейчас и без ограды хорошо.

Нестер засопел носом, завистливо поглядывая на друга.

— Ну и ловок же ты, Андрюшка!

— Солдатская находчивость.

— Да мне бы такую ограду найти, кажется, на аршин бы вырос сразу.

— Я тебя вот о чем попрошу, Нестер: пришли мне бухгалтера своего, Коленкину помочь, а?

— Могу, Андрюша. Завтра буду ехать, завезу.

— Добро. Наш-то Донцов сбежал. Больно пугливый оказался, вроде кролика. Видел, может, как кролик пугается. Уж он и бегаёт и прыгает во все стороны, а потом забьётся в уголок, уши прижмет, глаза закроет и дрожит, дрожит... Не перевариваю я таких людей. Смотреть тошно! По-моему, ешь солому, а держись козырем.

Семилетов расхохотался.

— Правильно, Андрюша! Ну, я поехал.

Андрей забрал книги и вместе с Нестером выехал в степь. Там, где начинались посеы артели, Семилетов остановил машину, любуясь хлебами.

— Хороши! — хвалил Семилетов.

— Эти-то хороши, а вот это, Нестер, как мозоль на глазах, — Андрей костьюлем указал на незасеянные клетки, заросшие бурьянами.

— И у меня, Андрюша, душа болит, да что сделаешь? На следующую весну будут тракторы, все запашем.

— Все до вершка!

Семилетов уехал. Андрей направился к огородам.

За темнозеленой гривой лесополосы, вниз по склону сбегали строгие ряды кудрявых крон молодого сада. В стороне от него упряжи коров и лошадей медленно двигались вдоль длинных загонок, распахиваемых под пары. Ниже, у речки, как огромная шахматная доска, зеленели гряды овощей. Кругом виднелись склоненные фигуры полольщиц. По картофельному полю степенно шагал Самсонов: останавливаясь, выдерживал то кустик лебеды, то тонкий стебель пырея.

— Ну, Андрей Семеныч, теперь не пропадем, голова его кувшином. Смотри, мировая-то наша, — обрадованно говорил он, показывая молодые клубни картофеля, величиною в крупный орех.

Андрей улыбнулся. «Мировая», — так называли в артели картофель, для посадки которого семена были собраны по дворам — «с миру».

— А вот, Сергей Петрович, смотрю на овощ нашу, думаю, что огородами мы опять с волжанами соревноваться можем, а?

— Что-то забыли они про нас, — с легкой обидой говорил Самсонов, — верно думают, что тут и в живых никого не осталось.

— Письмо бы им послать надо, — советовал Андрей.

— Н-да-а, — задумчиво протянул Самсонов, — Огородами еще можно, а в чем другом — тяжеловато нам с ними тягаться, у них войны дома не было. Впрочем, что ж, голова его кувшином, будем соревноваться, еще веселей дела пойдут.

— Пойдут, Сергей Петрович. Хлеб стеной стоит.

— Да, хлеба на редкость, — подтвердил огородник. — К концу июля косить будем.

— Косить, молотить и первую же тонну зерна — туда! — Андрей рукой показал на запад, в сторону фронта. — Лаврову, Морозову — всем!

— Туда, туда, — торжественно подтвердил Самсонов,

— Осенью сотни три озимых посеём, а весной на яровые наляжем и опять у нас все от межи до межи зазеленеет, — уверенно говорил Андрей.

Самсонов приостановился, разгладил бороду и посветлевшим взором окинул степь.

— Теперь уж будем расширяться. Только... Народу-то у нас негусто. Да оно и везде нынче так. Смотрел я на заводе, когда шефам овощи в подарок возил, там женщины, пареньки-сосунки работают, а по две нормы дают.

— Вот видишь. А ведь там техника сложная, осваивать ее надо. У нас дело всем с детства знакомое, нам отставать не приходится.

По дороге на сенокос Андрей по шаткому деревянному мостику переходил речку. Этот мостик, обросший зелеными пятнами мха, напомнил ему Татьяну. Давно когда-то стояли они здесь вдвоем, любуясь речкой и цветущим лугом.

Татьяна, показывая на стайку серебристых пескарей, затеявших игру на желтом песчаном дне нагретой солнцем заводи, шутливо спрашивала:

— А что, Андрюша, если у нас детей столько будет?

— Еще один колхоз организуем, — бахмутовский, — не задумываясь отвечал он и улыбаясь мечте, видел себя в кругу звонкоголосых ребятишек, а самого меньшего, обязательно кудрявого, как отец, он держал на руках и легонько подбрасывал.

И речка, ветхий мостик, и вербы — стояли попрежнему, но не было синеглазой Татьяны. Могильный холмик серел теперь над нею в далекой полевой степи. Андрей слушал игривое журчанье воды, так похожее на задушевный смех Татьяны.

Как-то сразу усилилась боль в натруженном ходьбою обручке ноги. Казалось, к обрезу культы, там, где она касалась деревяжки, кто-то накладывал и быстро отнимал нагретую полоску железа. Опираясь на здоровую ногу и на костыль, Андрей прислушивался к этой дергающей боли. Потом резко тряхнул головой.

— Ну, раскис!

Спустившись к воде, он отстегнул деревяжку и, сунув горящую культу в холод воды, почувствовал облегчение. Ожидая, пока утихнет боль, поглядывая на дорогу («Не идет ли кто?»), Андрей выкурил папиросу, глубоко и жадно затягиваясь, потом, пристегнув деревяжку, быстро зашагал от мостика.

Серебряной подковой охватывала речка зеленую равнину цветущих лугов.

В траве, на цветах и над ними, бегал, прыгал, летал, жужжал и звенел пестрый, как цветы, бесчисленный мир насекомых. Было похоже, что жужжат и звенят сами луга и нагретый воздух, напоенный ароматом цветов.

Жаркое марево дрожало и струилось над лугами. Казалось, не стоят на пригорке сметанные копны душистого сена, а плавают, подмытые вешним половодьем.

За копнами, далеко по лугу, как большие цветы, пестрели платья женщин, убиравших сено. Одни сгребали подсыхшую траву и складывали копны, другие, выстроившись длинной цепочкой, ритмично взмахивали косами, и срезанная трава покорно ложилась у ног косарей. В стороне, точно огромный кузнечик трещала сенокосилка.

На перекрестке дорог Андрея догнала линейка секретаря райкома. Припудренный пылью Демин спрыгнул с подножки, поздоровался с Андреем и устало опустился на траву. На его похудевшем лице резче обозначались складки. Веки красноваты и слегка подпухли, но в живом блеске глаз, в их сосредоточенном взгляде светилась неутомимо работающая мысль. Лицо, как всегда, было чисто выбрито, а над воротом гимнастерки снежно-белой полоской выделялся подворотничок, резко оттенявший коричневый загар шеи.

— Газеты получали сегодня? — спросил Демин.

— Не знаю, Илья Родионыч, я только рано утром в правлении был.

— Что же ты, товарищ Бахмутов, на сеноуборке первенство свое сдал? Вот, смотри, — Демин развернул газету и показал сводку.

«Пролетарская воля» была на втором месте. Первое, которое она занимала раньше, было занято теперь соседней артелью имени Калинина.

«Почему же так? — смутился Андрей. — Сенокосилка не стоит, косари работают...»

— А на работу все выходят?

Андрей замялся.

— Есть некоторые...

— Есть, — оживленно перебил его Демин, — тут и вся причина. А что вы делаете с этими людьми?

— Говорил я с ними, бригадиры толковали. Одного пристыдишь, — исправляется, а другому, хоть кол на голове теши!.. Исключать разве?

- Нет, товарищ Бахмутов, — возразил Демин, — исключать это легче всего, — воспитывать надо. Газеты в бригадах читают? Беседы проводите?

- Фронттовую сводку сообщаем ежедневно, а беседы., времени как-то нехватает, — чистосердечно признался Андрей.

Демин улыбнулся и хитро сощурился.

— Вот в том-то и беда наша — «времени нехватает». Как только дело до беседы доходит, то нам обязательно подавай часа три — четыре. Тогда уж мы обсудим все, вплоть до мировых проблем. Вы вот читаете в обеденный перерыв фронттовую сводку. Увяжите это с работой артели. Расскажите людям, что от их работы в тылу зависят успехи на фронте. Тут же ставьте и вопрос о трудовой дисциплине. И не вообще, а берите конкретного нарушителя и выносите его поступок на обсуждение всей бригады. Одно дело личный разговор и совсем другое, когда обсуждает масса. Как это действует — потом увидишь... Кури, — Демин протянул Андрею портсигар. — Такую работу, товарищ Бахмутов, надо вести ежедневно, и тебе, и членам правления, и бригадирам. Тогда и исключать едва ли кого придется.

Андрей утвердительно кивнул. «Вот этого-то мне и нехватало», — сознавался он, с уважением поглядывая на Демина. Демин встал и подошел к линейке.

— Я сейчас в дальние колхозы проеду, а оттуда к вам заверну — проведем собрание. А ты, товарищ Бахмутов, возьми вот газету и поговори сегодня с народом.

«Обогнал меня Нестер с сеном», — досадливо думал Андрей по дороге к косарям. У крайней копны услышал он жаркую перепалку женских голосов.

— Вчера не выходила, завтра, говоришь, не выйду, а кто же работать будет? — спрашивала Донцова.

— Мало народу, что ли? — крикливо возражал ей голос, незнакомый Андрею.

— Всем дома работа найдется, и если каждая не будет выходить, что тогда получится? Ведь главное-то у нас здесь, а не дома, — доказывала Наталья.

— Оно-то верно, а только что ж получается: день в день, заря угонит, заря домой пригонит?

«Заря пригонит», — повторила Наталья. — Сегодня и ночи прихватим, люцерну копнить будем.

— Спасибочки! Я не каторжная!

Андрей вышел из-за копны.

Разгоряченное спором лицо Натальи пылало. Темные брови близко сошлись у переносицы и из-под них гневно смотрели на Феклу Теряеву карие блестящие глаза. Приземистая Фекла стояла у копны, опираясь на вилы, вызывающе поднимая широконосое лицо. Тонкие губы ее были сердито поджаты. Светлые прищуренные глаза пристально смотрели на Наталью.

Увидев Андрея, Фекла смешалась, опустила голову и, набрав сена, торопливо отошла с ним к недоложенной копне.

— Слышал? — спросила Наталья, кивая на Теряеву.

— Слышал. — Андрей нахмурился.

— Я с ней и по-хорошему сколько говорила, и ругалась, а она свое: то харчи ей плохие, то отдыха мало. День работает — два дома сидит.

— На бригадном собрании говорили с ней?

— Нет не говорили, — призналась Наталья.

— Сегодня поговорим.

Когда у речки поднялся высокий шест с прицепленным к нему белым платком кухарки, вся бригада собралась в тени лозняка на обед.

Присев на охапку сена, Андрей вместе со всеми поел мучной «затерки» и развернул газету.

— Какие там сегодня новости, Андрей Семеныч? — спросила Пелагея Морозова.

— Сейчас расскажу.

Говор притих. Андрей прочел сводку Информбюро, разъяснил, прочитал статью о работе заводов.

— Двое суток подряд! — удивлялась Кузьминова. — А ведь железо плавить — не сено косить.

— Вот такие успехи у людей. А теперь посмотрим, какие у нас, — сказал Андрей, переворачивая газету. — Тут надо кое о чем подумать и поговорить.

Все насторожились. Андрей прочитал районную сводку.

— Семьдесят убрано у калининцев? — переспросила Морозова.

— Семьдесят, а у нас только шестьдесят один.

— Почему же они нас обогнали? — недоумевала Пелагея. — Косилка у них тоже одна работает и народу не больше. — Она вопросительно посмотрела на всех и перевела взгляд за речку, где убирала сено соседняя артель. — Вон у них уже и скирда поднимается, а мы все копны лепим.

— А потому, что у них дома никто не сидит, все работают, — сказал Андрей и посмотрел на Теряеву. Она покраснела и потупилась. — На харчи не жалуются, не говорят, что отдыха мало...

— А у нас кто жалуется? — перебила его Кузьминова.

— Теряева все плачет, — ответила Наталья.

— Ты, Фекла? — спросила Морозова, подняв брови и наморщив лоб.

Теряева опустила голову и молчала. Со всех сторон слышались укоризненные замечания:

— Переработала, бедная...

— Так мы до белых мух сено косить будем.

— Затерка ей не нравится. Не поешь горького — сладкого не узнаешь, милая.

— Вот такие дела у нас, — сказал Андрей, помолчав. — Отстали мы с сенокосом. Плохо, значит, работаем. Плохо помогаем нашим фронтовикам, а ведь фронт на нас держится. Вот и надо подумать: как же мы будем работать дальше? И в первую очередь подумать Теряевой.

Андрей сделал паузу. Все молчали. Было слышно, как под размытым берегом журчит и булькает вода.

Не поднимая головы, сидела Фекла, чувствуя на себе осуждающие взгляды женщин. Это не Андрей — вся бригада спрашивала ее сейчас и ждала ответа.

...К концу беседы Фекла сказала:

— Простите меня, бабы... Ошиблась я... У меня тоже... сын.

Она закрыла лицо руками и заплакала.

Женщины оживленно загомонили вокруг.

— Не плачь, Феклуша, — успокаивала Теряеву Кузьминова. — Ошиблась маленько. С кем греха да беды не случается...

Андрей, наклонившись к Наталье, сказал:

— Завтра заседание правления соберем, кое-что обсудить надо.

* * *

Вечером был Андрей у Крыльцова. Согнутый годами тугоухий старик, не расслышав слов Андрея, но поняв, что речь идет об электричестве, кряхтя, слез с теплой лежанки, пошарил в каком-то ящике и вытащил оттуда лампочку, обернутую тряпицей.

— Берегу, сынок, берегу — вот она, — прошамкал он.

— Нет, Лука Денисыч, я не про то, — громко говорил Андрей, наклоняясь к заросшему волосами уху старика — Гидростанцию, говорю, отстраивать будем — каменщики нам нужны.

Крыльцов ощерил в улыбке беззубый рот.

— А-а, каменщики... Специалисты нужны?

— Да, да. Специалисты. Хочу вас попросить помочь нам. Девчат камни класть научить.

— Девчат? Какие ж с них каменщики?

— Будут, Лука Денисыч, каменщики, показать бы им только, как и что делать надо?

Крыльцов с сомнением покачал головой.

— Подсобить я подсоблю, — обещал он.

— А мы вам, Лука Денисыч, всей артелью спасибо скажем.

Старик проводил Андрея до калитки, — пособить можно.

На обратном пути Андрей остановился на плотине пруда. Мягкий, ровный свет луны играл на ряби пруда, трепетал на глянцевых листьях тополей.

Отбрасывая угловатые тени, серели развалины гидростанции, ниже плотины, на берегу. Андрей задумчиво смотрел на них. Как хотелось ему сейчас снова услышать ровный гул турбины, увидеть яркие полосы света, падающего из окон гидростанции на темную гладь пруда. Увидеть клуб, залитый светом, наполненный музыкой и шумным весельем. Вокруг клуба намечали перед войной разбить парк...

Андрей свернул папиросу и чиркнул спичкой. Вспыхнувший огонек потревожил грачей, дремавших на вербе у темных шапок гнезд.

Внизу, в густых зарослях лозняка свистнул соловей, замолчал, снова свистнул и вдруг залился долгой рассыпчатой трелью. За селом, на дороге слышался приглушенный расстоянием говор,

смех и вслед за тем сильный молодой голос запел: «Что стоишь, качаясь, тонкая рябина...» Слаженный хор женских голосов дружно подхватил:

«Головой склоняясь до самого тына»...

«Косари наши идут», — догадался Андрей, слыша голос Донцовой.

Что-то задушевное было в плавных переливах женских голосов. Тоска по далеким мужьям и любимым звучала в грустной мелодии песни.

* * *

Не забыли волжане «Пролетарской воли», напрасно обижался на них Самсонов. Ранним июльским утром во двор артели завернули две запыленных машины. Из кабины передней вылез всем знакомый и всеми уважаемый старичок, в длинном пальто, мягких сапогах и черной фуражке с высоким околышком. Оправив бороду, он осмотрел двор, улыбнулся, собрав в уголках глаз лучистую сеть морщинок и весело спросил:

— Живые?

— Живые, Николай Гаврилович, — ответил Андрей и, вспомнив Татьяну, добавил тише, — не все, конечно.

Старичок понимающе посмотрел на него и покачал головой.

— Не без урона и у нас, — сказал он, — тоже война кое-кого прибрала. Жалко, да ничего не поделаешь. Ну, что ж, погибшим вечная слава, а живым жить надо... Мы в гости до вас, решили помочь кое-чем. Снимайте-ка с машины вот это добро.

— Спасибо, спасибо! — благодарил Андрей. Хотелось ему обнять этого умного, хитроватого старичка.

Давно уже соревновались «Пролетарская воля» и заволжский «Коммунар». В Москве на выставке они оказались соперниками по урожайности пшеницы. Там и был заключен договор о соревновании. Помнил Андрей, как приехала к ним первый раз делегация волжан, а с нею этот старичок.

Походил он кругом, посмотрел и, хитро прищурившись, спросил:

— Что же это вы, хозяйева, под боком у города живете, а пучка луку за всю весну не продали? Вода вольная, земля хорошая, руки, видно, плохие?

Председатель артели посмотрел на него, на речку, помялся, почесал затылок и, не найдя подходящего ответа, сказал:

— Да вот собираемся все...

— «Собираетесь», — с усмешкой передразнил старичок, — а мы, пока вы собирались, уже сто тысяч чистоганом за овощи получили.

Прав он оказался. Завели и пролетарцы у себя огороды, магазин в городе открыли и уже на следующий год сравнялись доходом с волжанами.

Помнил и старичок, как пришлось краснеть коммунарцам, когда делегаты «Пролетарской воли» не нашли на их полях и кустика посеянной люцерны, так хорошо оправдавшей себя потом в их засушливой стороне...

С машин сняли клетки с птицей и пять огромных супоросных свиней. Они тяжело переваливались на коротких ногах, встряхивали вислыми ушами и, лениво похрюкивая, смотрели на людей маленькими, заплывшими жиром глазками.

— Принимай, Васильевна, береги, — говорил Андрей свинарке.

— Еще бы не беречь. Вон какие красавицы!

— Читай, Иринushка, письмо, — обратился старичок к приехавшей с ним полной, белолицей, нарядно одетой женщине.

Все подошли ближе. Ирина развернула письмо. Звучным голосом прочитала:

«Дорогие товарищи колхозники «Пролетарской воли»!

Поздравляем Вас с освобождением от ига фашистских оккупантов! Шлем Вам свой подарок и от всей души желаем скорее залечить раны, нанесенные хозяйству артели немецкими варварами. Рады сообщить Вам, что мы на свои сбережения построили три боевых танка и передали их своим фронтовикам — гвардейцам.

Наша артель внесла в фонд обороны три тысячи пудов мяса и десять тысяч пудов хлеба. Сейчас готовит новый подарок нашим дорогим воинам.

Да здравствует наша непобедимая Красная Армия, наша могучая Родина, наш советский народ и его любимый вождь Иосиф Виссарионович Сталин!

Смерть немецким оккупантам!»

Андрей подошел и стал рядом с Ириной.

— Вот, товарищи, — заговорил он взволнованным голосом. — Вот как наши друзья-волжане поддерживают нас своим плечом в такой трудный момент. Радостно чувствовать, что мы не оказались забытыми в несчастье. Только у нас, в нашей советской стране, возможна великая дружба между людьми. От имени членов артели «Пролетарская воля» сердечное спасибо нашим дорогим друзьям!

Андрей с чувством пожал руку старичку и Ирине. Десятки рук потянулись к ним со всех сторон.

Пожал руку гостям и старик Крыльцов, пришедший в это утро на артельный двор в белом фартуке, с нехитрым инструментом каменщика. Незоркие глаза его светились радостью. Покачивая головой, он шептал:

— Вот она, сила народная.

* * *

«...Спасибо Вам, дорогие земляки, за Ваши фронтовые успехи. Нам тоже есть чем порадовать Вас. Хлеба уже выметали колос и зацветают. С сенокосом управились раньше других. Овощь на огородах — хоть сейчас на выставку. На свиноферме полсотни поросят хрюкают. Телята есть, жеребята. Гуси плавают. И еще одна новость: скоро пустим свою гидростанцию. Здание уже отстроили. Сейчас шефы помогают установить оборудование. В общем артель наша опять начинает расцветать. А люди! Люди у нас молодецкие...» — Так писал Андрей в конце июня своим землякам на фронт.

Но в июне, омрачая светлые надежды людей, подул с востока иссушающий ветер. Мутная дымка наполняла воздух. Знойный день сменяла короткая, душная ночь, не приносившая прохлады. Как обваренные стояли деревья. Никли травы. Тучи пыли поднимались над селом в вечерних сумерках, когда со степи приходило стадо. Ветер на ночь стихал и пыль, не оседая до утра, серым туманом висела в неподвижном густом воздухе.

Вот тебе и урожай!..

Грузно опираясь на костыль, опустив голову, медленно возвращался Андрей в село. Лицо его было хмурым.

На заседании правления он сказал всего три слова:

— Надо спасти хлеба.

Жигулин запустил пальцы в курчавую бороду и выжидательно смотрел на него.

— Чем тут поможешь, Андрей Семеныч? — спрашивал Самсонов, разводя руками. — Поле не огород, его не польешь, голова его кувшином.

— Почему не польешь?

— Далеко от воды, — негромко заметила Сорокина.

— Вот, нетто, канавой подвести, — задумчиво рассуждал Самсонов.

— По речке выше взять — вода должна пойти, — сказал Жигулин.

— Сейчас соберем народ, поговорим и сразу же будем начинать, — заключил Андрей.

— А что б скорей было, — плуги пустим. Помните, как на стройке канала в Невинке работали? — предложила Донцова.

— Это дельно! — поддержал Андрей. — Правильно, Наташа. Говорят: одна голова хорошо, а две лучше.

Долгими показались Андрею минуты пока собирались во дворе люди. Он поднялся на приступок в тени амбара, курил часто затягиваясь едким дымом. Подошел Демид Фисенко. На его лице, казалось, прибавились новые морщины. Глубоко запали в темных орбитах глаза. Глядя мимо Андрея, сказал:

— Еще недельку так посушит и косить нечего.

— А ты не каркай! — сердито оборвала его Морозова.

— Не ругайтесь, — сказал Андрей. — Этим делу не поможешь... Ну, что же делать будем теперь? — спросил он, когда обступила его плотная толпа. Он коротко изложил план полива хлебов.

— Немного хлеба у нас, и дать ему погибнуть нельзя. Не для нас одних растет он.

— А будет толк? — неуверенно спросил кто-то.

— Огороды же поливаем, — ответил Самсонов.

Сорокина переговорила с членами своего звена и попросила слово.

— Наше молодежное звено решило свой участок полить, — заявила она.

— Ваше звено, — сказала Морозова с ноткой недовольства, — а у других, думаешь, душа не болит? Андрей Семеныч, как поливать будем? — спросила она.

— Воду из речки канавой выведем в степь, а там, где напуском, где бочками подвезем, где поднесем, — пояснил Андрей.

Слово попросил Серков.

— Наша строительная бригада просит выделить отдельный участок канавы и вызывает на соревнование первую бригаду.

— Принимаем, — сказала Донцова. — Смотрите, чтобы на буксир не пришлось вас брать, — предупредила она.

Самсонов со своей огородной бригадой вызывал вторую бригаду.

— А наша бригада, Василий Алексеевич, — сказал Жигулин своему подручному, — идет сейчас плуги налаживать и никаких зверей.

* * *

Около часа кружила по степи тачанка, от речки к хлебам и обратно. Андрей зорко всматривался в каждую ложбинку и бугорок, намечая трассу канавы. Самсонов слезал с тачанки, ложился на землю, глазом проверял уклон и колышками отмечал нужное направление.

В одном месте серая гряда известняков, выступая из земли, каменным забором преграждала путь речке. Изогнувшись крутой лукой, речка обегала препятствие и, устремляясь дальше, шумным каскадом, падала вниз по стене глинистого обрыва.

От верха обрыва и прочертил плуг по выгоревшей траве темную полосу борозды на месте будущей канавы. Вдоль нее длинной цепочкой растянулись люди. Глухо ударили лопаты в засохшую, каменно-твердую землю.

Четверки лошадей, натуженно выгибая спины, тянули плуги. Глубже и глубже врезались лемехи в ложе канавы и росли, росли по бокам ее груды выброшенной земли.

Наконец, по готовой канаве, медленно, словно ощупывая дорогу, как слепой на незнакомой улице, побежала вода.

— Смелей, смелей!.. Тут не заблудишься, дорожка ровная! — подбадривала воду толпа потных, запыленных людей.

Самсонов, закинув лопату на плечо, шел канавой, впереди воды, словно чабан узкой дорогой проводил овечью отару.

У посевов вода разлилась по мелким канавкам и, заливая трещины, жадно впитываемая землей, серебристыми ручейками заструилась рядками пшеницы. Куда не добежали ручейки, воду возили бочками, носили ведрами, качали пожарным насосом.

Коротким сном забывались люди, когда окутывала землю ночная мгла. Засыпали тут же у канавы, на обочинах дороги, но едва всходила луна — степь оживала. Снова звенели ведра, тархтели подводы, с мягким шумом плескалась вода.

И дождь, долгожданный дождь, пришел на помощь людям. В одну из ночей, когда, казалось, можно было задохнуться в жаркой духоте, черная туча косым углом надвинулась от горизонта и, закрывая звезды, разрослась по небосклону.

Темнота сгустилась. Ослепительный зигзаг молнии прорезал тучу и вслед за ударом грома крупные, тяжелые капли упали на мокрые от пота спины людей, зашлепали по дороге, зашелестели в хлебах. Снова блеснула молния, прогремел гром, прохладной, упругой волной пронесся ветер, на минуту все стихло, и вдруг густые струи ливня хлестнули по земле, наполнив степь глухим равномерным шумом.

— Ого-го-го-го! Э-эх!

— А-ах!..

— Хорошо!..

— Льет, как из ведра, льет!

— Лодку давай, домой плыть будем!

— Побивай, поливай, голова его кувшином! — кричал Самсонов, подставляя дождю непокрытую голову.

Струи воды стекали у него по клиньям бороды, до нитки промочили одежду, а он все стоял у дороги, разводил руками, как человек в знойный день под прохладным душем.

— Добро, вот добро! — с говорил Андрей, как музыку, слушавший шум дождя.

Он смеялся, ловил струйки ладонями и плескал воду в глаза, воспаленные бессонницей.

Утром, когда взошло солнце, вся артель была в степи. Широкие лужи блестели на дорогах, отражая чистое голубое небо. Прозрачная дымка испарений поднималась от земли. Ярко блестела мокрая зелень помолодевших хлебов.

— Золотой дождь! — хвалил Серков.

У края полосы, в розовой кофточке и белой, туго обернутой вокруг головы косынке, стояла Донцова.

— Любуется, — сказала Андрею Сорокина. — Этот угол она поливала. Наверное, ведер двести сюда вылила.

Наталья подошла к ним.

— Теперь уж нальется колосок! — говорила она, сияя.

От огородов шел Самсонов.

— Ну, Андрей Семеныч, и промочи-и-и-ло, — радовался он, довольно разглаживая клинья бороды. — На грядках нога тонет. Растет все, голова его кувшином, — ухом слышно!

В село Андрей возвратился вместе с Натальей.

— Вот, Андрей Семеныч, — говорила она, — тяжело было поливать, а сейчас смотрю я на пшеницу нашу и так мне радостно...

— Кто, Наташа, труда боится, этой радости не знает.

— Мы на фронте наступали зимой — мороз, ветер, снег до пояса, бой шел днем и ночью, и так тяжело было — душа с телом, как говорят, расставалась, а потом, как увидели освобожденных нами жителей да получили за это наступление благодарность товарища Сталина, так радостно было, что нового наступления, как праздника, ожидали.

Андрей приостановился и, закутив, продолжал:

— Вот и сейчас трудно нам, очень трудно на ноги подниматься, но уж, когда поднимемся, тогда... — он замялся, досадливо махнул рукой и, скрывая смущение, долго затягивался цыгаркой. «Язык бы тебе, Андрей, гвоздиком прибить надо!» — ругнул он себя за несдержанность и как-то виновато взглянул на Наталью.

Она поняла его намек.

— Донцов пожалеет, — твердо закончила она, презрительно сощурив глаза.

— Не горюешь?

- О нем? Нет. Любила я его, а как ушел он — чужим стал. Демин правильно сказал тогда о настоящих друзьях.

Шли молча. Ук5зав на пологую ложбинку, в которой особенно густо и ровно, колос к колосу, стояла пшеница, Наталья со вздохом проговорила:

- Здесь я прошлое лето хлеба подожгла.

- Страшно было? — спросил Андрей.

- Нет. Боялась только, что патрули немецкие помешают мне или сгорит не все, а страха не было: злая я была тогда.

У окраины села Андрей задумчиво посмотрел на хаты и, махнув в сторону их костылем, проговорил:

— Не нравятся мне хатенки наши. Ишь, выглядывают из-за плетней: нахилились одна к другой, как старушки глуховатые в праздник на завалинке. Богатыми были мы до войны, теперь снова на ноги поднимаемся, опять миллионеры будем, а вот живем пока — некрасиво, вроде бы костюм хороший наизнанку вывернутый носим. Думаю я: пора нам уж из этих хатенок выбираться. Закончим войну — Ореховку новую строить будем.

Лицо Натальи засветилось улыбкой.

— Я тоже об этом думаю! — подхватила она. — Помнишь, Андрей Семеныч, как наша молодежная бригада гидростанцию и клуб строила?

— Дружно работали!

— А весело было как! Будто на работе — праздник какой-то! Опять бы нам такую бригаду организовать.

Андрей улыбнулся.

— А флажок не будешь больше в голенище прятать, если от Сорокиной отстанешь?

Наталья звонко рассмеялась.

— Наше звено все время первенство держало, — оправдывалась она, — а они какой-то раз вырвались вперед и уже бегут, от радости земли под собой не чувствуют — подавай им вымпел!

В раскрытом окне канцелярии показалась седая голова Коленкина.

— Наталья! Ты чего смеешься так? Дождю рада?

— Рада, Трофим Агафоныч! Всему рада!

— Рада, а наряды дядя за тебя принесет?

— Ой, я и забыла! — спохватилась Наталья. — Сейчас!

Перепрыгивая лужи, она побежала к своей хате.

— Ну, де-е-вка, — протянул Коленкин и, тряхнув головой, заключил: — Огонь девка!

Долгим, задумчивым взглядом проводил Андрей Наталью.

* * *

Июльским полднем чихающий грузовик Семилетова, подняв на улице серый столб пыли, подкатил к хате Бахмутовых. Нестер выпрыгнул из кабины и, на ходу отирая мокрое от пота лицо, вошел в хату.

— Андрюша, ты не жениться ли надумал в такую жару? — спросил он, с удивлением рассматривая Андрея, одетого в сбереженный матерью костюм, серый с серебряной блесткой.

— В гости еду, к шефам на вечер, — весело отозвался Андрей, расправляя сплюснутую кепку.

— Что за вечер?

Андрей пожал плечами.

— Звонил утром Садовников, меня приглашал, просил, чтобы Жигулин и Донцова обязательно приехали, а за чем — не знаю.

— Ну, поедешь, там узнаешь, — сказал Нестер. — Я из райкома сейчас, — продолжал он, — послезавтра мы с тобой будем докладывать на бюро о готовности к уборке... У тебя рабочий план есть?

— Все готово, Нестер, и планки что по плану надо!

— Я тоже хоть завтра косить могу.

— Как хлеба? — спросил Андрей.

— По низине хорошие, а где повыше, суховеет крепко прихватило: там половины зерна не доберу.

Андрей поморщился и покачал головой.

— Мы поливали свои.

— Знаю, а у нас воды... — Нестер развел руками. — Не дала война канал окончить, теперь бы наша сухая балка мокрой стала, а из нее мы гектаров четыреста поливать смогли бы... Ну, поехал я!

— Отдыхай, что так скоро?

— Дела, Андрюша, да и сынишка теперь заждался меня, рубашонку ему везу.

Андрей грустно улыбнулся.

— А мне некому пока обновки покупать, — проговорил он тихо.

— Женись, Андрюша, довольно тебе бобылем жить, — посоветовал Нестер.

— Да мне и мать об этом уже несколько раз говорила.

— Ну вот, наверное, и невесту нашла уже, не Беседину ли?

— Нет, Нестер, другая у меня думка.

Семилетов снова присел на стул.

— Какая? — спросил он.

— Тебе скажу, только ты не того...

— Ну что ты, — обиделся Нестер, — или ты меня не знаешь?

— Наталья мне нравится, Донцова, — понизив голос сказал Андрей и слегка покраснел.

Нестер внимательно посмотрел на друга, подумал и покрутил ус.

— Да, это тебе, пожалуй, пара будет, — заключил он. — Лучше и не найдешь. Женись!.. Ты с ней говорил?

— Нет. Не знаю, как она на это посмотрит? — Андрей показал на деревяжку.

— Напрасно стесняешься, Андрюша: не за воровство тебе ногу отхватили — в бою потерял, воевал за всех... Поговори, а после уборки свадьбу играть будем... Ну, еду! Бувай здоров!.. В добрый тебе час!

— Спасибо, Нестер.

Медленно опускался на землю летний вечер. На далеком горизонте заревом догорающего костра угасала оранжевая полоса заката. Вечерний сумрак, постепенно густея, окутывал притихший городок и загородные поля. На потемневшем небе неяркими точками мерцали первые звезды.

Когда на окраине городка яркой россыпью огней засветились цеха завода и домики рабочих, на улице поселка показалась тачанка. Лошади, рассыпая дробный цокот, ровно прокатили ее по асфальту улицы и с разбега остановились у расцвеченного флагами подъезда заводского клуба.

Приехавших — Бахмутова, Донцову и Жигулина — радушно встретил директор завода Садовников, невысокий, плотный, с моложавым розовым лицом, одетый в темнозеленый костюм военного покроя.

— Ждал, ждал! — весело говорил он, пожимая всем руки. — Ну, заходите, а я еще комиссара встречу.

В ярко освещенном зале гремел духовой оркестр. Наталья шла по залу и, улыбаясь, говорила Андрею:

— Когда мы завод обороняли, я здесь раненых перевязывала, а сама думала: когда-то в этом зале гулять будем...

Коричневое платье ладно облегалo ее крупную фигуру. Белый кружевной воротничок красиво оттенял тронутое бронзовым глянцем загара чернобровое лицо. Мало была она похожа сейчас на Наталью в сапогах и ватной фуфайке, дневавшую и ночевавшую в степи! Только руки ее, крупные, сильные, с огрубевшей на ладонях кожей, говорили о том, как много и честно поработала она.

— Какой же у них сегодня праздник? — недоумевал Жигулин.

Андрей отыскивал незанятые места и сел. Рядом поместились Жигулин и Наталья.

Оркестр неожиданно умолк. Прозвенел колокольчик. В притихшем зале, под негромкую команду Демина все бывшие партизаны четырьмя шеренгами выстроились против сцены. На правом фланге Демин и Садовников. За ними, в первом ряду, стояли разведчики, среди них Жигулин и Донцова. Впереди алело развернутое знамя отряда, розово отсвечивая на взволнованных лицах пожилых рабочих и безусых юношей, еще недавно громивших немецкие обозы, взрывавших склады и штабы врага.

На сцене появился уже немолодой, но бодрый и стройный полковник с блестящим рядом орденов и медалей на выпуклой груди. Приняв рапорт Демина, он поздоровался со всеми и после ответного приветствия скомандовал:

— Слушай приказ!

Тишина в зале установилась полная. Раздельно, торжественно приподнятым голосом полковник читал:

«...За доблесть и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, наградить орденом Ленина — Демина Илью Родионовича — командира партизанского отряда «Родина».

Оркестр заиграл оглушительный туш.

Демин поднялся на сцену. Радостное волнение отразилось в крупных чертах его лица.

— Поздравляю! — сказал полковник и, пожав ему руку, вручил орден.

— Благодарю за высокую награду! — громко ответил Демин.

«...Орденом Красного Знамени — Садовникова Николая Павловича — начальника штаба партизанского отряда «Родина».

Директор замахал рукой в сторону музыкантов, а получив награду и вернувшись в строй, незаметно расстегнул верхнюю пуговицу на вороте гимнастерки.

Полковник продолжал чтение. Один за другим подходили к нему награжденные и, под гром оркестра, получали награды.

«...Орденом Отечественной войны первой степени — Жигулина Акима Демьяновича — разведчика партизанского отряда «Родина».

— Папаша, не подкачал! — одобрительно сказал кто-то из зала вслед кузнецу.

И вдруг... Наталья не сразу поверила услышанному.

«...Орденом Отечественной войны второй степени — Донцову Наталью Тимофеевну, разведчицу партизанского отряда «Родина».

Полковник взглянул на Наталью. Она нерешительно шагнула вперед, и залившись румянцем, остановилась.

— Смелей, смелей, девушка,— говорил полковник.— Немцев не боялась, а тут робеешь?

Дальнейшее для Натальи происходило в каком-то горячем тумане. Она чувствовала, что на нее смотрит сейчас весь зал. Казалось ей, что очень громко стучат каблуки ее туфель, когда шла она на сцену. Что говорила там, получая награду, как возвращалась обратно, вся пунцовая с сияющими глазами, под гром оркестра и дружные аплодисменты, она не помнила.

Шумное оживление воцарилось в клубе после того, как была окончена официальная часть вечера. Оркестр не умолкал. На гладком паркете кружились пары танцующих. Два юнца, высоко подняв головы, выпячивая груди, на которых блестели медали «За отвагу», важно расхаживали в кругу танцующих, безуспешно стараясь сохранить на лицах деловитую серьезность.

В бильярдной щелкали шары. Какой-то игрок, словами подгоняя шар, выкрикивал: «Ну, ну, еще! Ну, еще чуток!» Рядом, в соседней комнате, словно выстрелы в тире, стучали кости домино. «Прокати, прокати его!» — слышались азартные голоса.

— Ну, Аким Демьяныч, узнал теперь, какой сегодня праздник? — спрашивал Андрей Жигулина.

Тот качал головой. Обращаясь к Наталье, он крикнул:

— Вот, Тимофеевна, подвели нас, а? Никто ничего, ни единого слова, и вот тебе — на! «Жигулин Аким Демьяныч!», — поглядывая на орден, усмехался он в бороду. — Теперь меня и старуха моя не узнает.

— Могарыч с тебя, — шутил Андрей.

— Тут не могарыч... тут... не знаю, что тут, Андрей Семеныч... Гору, кажется, своротил бы сейчас! — взволнованно говорил кузнец.

Наталья молча улыбалась. Ей, переполненной счастьем, хотелось, сейчас хоть немножко побыть одной. Когда Жигулин и Андрей ушли в буфет, она поднялась в верхний этаж клуба. Здесь было прохладно и тихо. В читальном зале шелестели газетами. Изредка слышался мягкий стук переставляемой на шахматной доске фигуры. Двое пожилых рабочих, оба в очках, рассматривали в журнале какой-то сложный чертеж. Один говорил неслышным шопотом и пальцем проводил на чертеже круги и линии. Другой, хотя и старался говорить тихо, но голос его приглушенно гудел, словно кто легонько ударял басовые клавиши фортепьяно.

Наталья вышла на балкон и залюбовалась открывшейся панорамой. В отдалении, у подножья двух высоких труб, густо дымивших и сыпавших искры, белели этернитовые крыши корпусов завода. Косые тени приводных ремней бегали в ярко освещенных переплетах окон и, казалось, окна весело подмигивали беленьким домикам рабочего поселка, отдаленного от завода просторным полем стадиона. Одно-и-двухэтажные домики строгими линиями окаймляли широкую асфальтовую улицу. Два ряда матовых Шаров-фонарей заливали ее мягким ровным светом. Балкончики, увитые плющом, аккуратно подстриженные живые изгороди, цветочные газоны.

Наталья мысленно перенеслась в Ореховку. Улыбаясь, мечте, видела широкую улицу вдоль зеленого берега речки, беленькие домики колхозников, гладкий асфальт тротуаров, цветы и зелень садов, а вокруг необозримо желто-блестящее море пшеницы.

С соседнего балкона доносился разговор. Кто-то увлеченно рассказывал:

— Работал я на Урале. Горы там, леса — шапка валится! А в долинах, на сотни верст кругом, заводы. Целые города заводов! Труба на трубе. Дым над ними тучами висит. Смотришь, бывало, и радуешься, и гордишься: сам ведь и для себя строил. Работаешь и все хочется сделать больше и больше. Иногда досадно становилось: день коротким казался. Точно, Кузьмич! — подхватил второй голос. — Заработаешься, а тут гудок — гу-у! Эх, думаешь, как скоро смена проскочила.

Наталья слушала разговор, думала о полученной награде, о созревающих хлебах, о будущем родной артели, и у нее поднималось волнуемое чувство гордости за тех, кто вновь зажег огни завода и взрастил тучные хлеба на полях. Приятно, радостно было сознавать, что и она в ряду этих скромных тружеников-героев. «Вот оно, настоящее счастье и радость жизни!» — думала она.

На балкон вышли две девушки. Одна, худенькая, белокурая, в модном сером костюме, с легкой досадой говорила:

— Все нам не везет. Кругом мы опаздываем. Так хотелось посмотреть, как партизан награждали.

— Ну, рассказывай, а то и танцевать опоздаем, — торопила ее подруга, в сиреневом платье, с пучком гвоздик в руках.

— Да. Приходит он вечером к нам, — видимо, продолжая начатый разговор, заговорила белокурая, — костюм на нем новый, галстук десяти цветов, сам под хмельком и на себя, верно,

флакон одеколона вылил. В общем, жених по всей форме. Знакомится: «Павел Афанасьевич Донцов».

Наталья быстро взглянула на говорившую, так же быстро отвела взгляд. Она слушала, сжимая руками перила балкона.

— Да, — рассказывала девушка. — Просидела я с ним весь вечер. И знаешь, Нина, какой-то он старомодный человек. О чем бы он ни говорил, кругом у него «я» и только и заботы, что о себе, о собственном благополучии. То он момент удачный использовал, то острый угол в жизни ловко обошел. Такой противный человек! Тьфу!

Обе девушки рассмеялись.

— Да в самом деле, — с ноткой возмущения добавила белокурая, — живет человек на земле, ничего его не интересует, не волнует, так, зря живет, свет коптит. Еле-еле дождалась я, пока он ушел.

— Больше не приходил? — спросила подруга.

— Нет, под суд попал он.

— Под суд? За что?

— За хорошее не судят.

Наталья слушала, не шевелясь. Обида на Павла, отвращение к нему, сожаление о прожитом с ним времени, чувство неловкости оттого, что этот бесчестный человек еще не давно был ее мужем, и словно об этом знали девушки, заставило ее покраснеть и опустить голову. Не взглянув на девушек, она ушла с балкона.

Андрей и Садовников с женой и пятилетним сыном — розовощеким пухленьким мальчуганом в форме моряка, сидели в фойе за маленьким буфетным столиком, украшенным огромным букетом роз.

— К нам в компанию, — пригласил директор, увидев Наталью.

Жена Садовникова, полная женщина, одетая в легкое голубенькое платье, хозяйничала за столиком. Мужчин, она угощала холодным пенистым пивом, а себе и Наталье в маленькие рюмочки наливала золотистый мускатель, сладкий и душистый, вкусом напоминающий вяленый виноград.

— Я вино люблю, — говорила она. — Особенно этот сорт хорош.

Наталья с жадностью выпила предложенную рюмку.

— Порадую я тебя, Андрей Семенович, — говорил Садовников.

— Чем?

— Механика тебе на гидростанцию нашел.

Андрей даже привстал от радости.

— Нашел? Кого?

— Электрик у меня один после ранения демобилизовался. На заводе ему работать нельзя, тяжело, а у вас по силе будет. Он тебе и радиоузел поможет восстановить, ему это хорошо знакомо.

— Добро. А согласится он у нас работать?

— Я говорил с ним — поедет. Ему хорошее питание сейчас нужно, ну да, молоко у вас есть, мы кое-чем поможем, а парня на ноги поставить надо — ценный человек. Завтра утром познакомлю тебя с ним.

— Хорошо будет, хорошо! — радовался Андрей. — Теперь и мы скоро мигалки свои выбросим.

— Как там мои хлопцы, помогают? — спросил Садовников.

— Молодцы! От души работают! — хвалил Андрей. — Монтаж уже закончили, теперь только линии проверить осталось, да вот провода еще немного достать надо.

— У нас на заводе трофейный есть. Ты оставляй завтра Жигулина здесь, он подберет что надо, а вечером я его машиной подброшу, — предложил Садовников.

— Добро, — согласился Андрей. — И электрика отправишь.

Садовников утвердительно кивнул. Подняв кружку, он отпил из нее несколько глотков, крякнул, закурил и, пустив струйку дыма, сказал:

— А мы сейчас конструкцию новую осваиваем у себя. Одна деталь такая, понимаешь, сложная попалась, прямо-таки кляузная...

— Николай, да что ты все о деталях, — перебила его жена.

— А что? — спросил он. — Ты мне вчера два часа битых о лаборатории да о своих опытах рассказывала — я же слушал?

— О! — удивилась жена, — то же опыты.

— Вот, пожалуйста, — сказал Садовников и руками развел, — а станки, по-твоему, что — игрушки?

Все весело рассмеялись.

«Счастливые», — подумала Наталья, наблюдавшая за дружной четой Садовниковых. Тупой болью шевельнулось в ее груди чувство собственного одиночества. Оно, казалось, дремало там, заглушаемое заботами о восстановлении хозяйства артели, и Наталья, вся поглощенная ими, не замечала его. Теперь, разбуженное напоминанием о Павле и видом этой счастливой семьи, оно охватило Наталью. «Что ж мне теперь — весь век одной вековать?» — с грустью думала она и, теряясь в мыслях, не находила ответа.

— Два дня с этой деталью возились, — продолжал директор, — но теперь пошла, — он вытянул руку и повел ею вокруг, показывая как плавно идет производство «кляузной» детали.

— Мама, у дяди тоже орден? — интересовался мальчуган, управившись с мороженым и ложечкой показывая на борт андреева пиджака.

— Орден, сынок. Вот вырастешь, будешь моряком, — тоже заслужишь такой, — разъясняла ему Садовникова и негромко спросила Наталью:

— Ваш муж, наверно, недавно с фронта?

Андрей улыбнулся и посмотрел в сторону Натальи.

Она что-то тихо ответила.

— Вот как, — с сожалением ответила Садовникова и покачала головой. — А я считала, что вы муж и жена, еще и подумала: «какая славная пара!»

Наталья слегка порозовела и потупилась.

Директор продолжал рассказывать об успехах завода. Андрей рассеянно слушал. Слова Садовниковой напоминали ему вчерашний разговор с Нестером. Припоминая все сказанное вчера, он снова посмотрел на Наталью, и встретил ее задумчивый взгляд. Она зарделась румянцем и, скрывая смущение, наклонилась к мальчугану, что-то зашептала ему.

Теплым, радостно-волнующим чувством наполнил Андрея этот взгляд Натальи. «Будем ехать отсюда — скажу ей», — решил он.

* * *

Домой возвращались на рассвете. Андрей и Наталья ехали вдвоем. Жигулин, как было условлено, остался на заводе. Серая лента гладко накатанной полевой дороги пересекала зеленую луговую низину, крутой петлей огибала глубокий овраг и словно в зеленый тоннель, ныряла в дубовую рощу. Ночная роса белела на траве по обочинам дороги. Днем тусклозеленая, поникшая в жаркой духоте, сейчас, освеженная прохладой ночи, трава каждой былинкой и лепестком тянулась вверх. Мягко покачиваясь на рессорах, катилась тачанка, оставляя позади рябую дорожку следов.

Наталье не хотелось ни говорить, ни открывать глаз. Она подняла воротник пальто и спрятала в него лицо.

Андрей сидел рядом, курил, пуская облачка дыма, подергивал вожжами и взмахивал кнутом.

В глубине оврага и под густыми кронами дубов еще таился поредевший сумрак ночи, но на посветлевшем небосклоне там, где должно было взойти солнце, ширилась и наливалась розовым светом полоска зари.

Степь просыпалась, наполняясь звуками. В гулкой тишине утра они не сливались — слышались громко и отчетливо. На опушке рощи наперебой щебетали птицы. У речки, скрытой белыми полосами тумана, мычали коровы. «Э-гей! Гей!» — хлопая кнутом, покрикивал хриплым голосом пастух. Где-то за холмами звонко и протяжно заржала лошадь. Запряженный в тачанку гнедой «Кубарь» наострил уши, всхрапнул и покосился в сторону холмов блестящим выпуклым глазом. Серый «Пост» выгнул шею и, раздув ноздри, громко, приветственно ответил.

Тачанка миновала рощу. Дорога, разрывая высокую стену хлебов на полях пригородного совхоза, взбегала вверх по склону степного увала и терялась за ним.

Лошади пошли шагом. Слева, из-под горы, будто стая гусей на зеленом речном берегу, показались белые хаты села.

— Ореховка, — сказала Наталья, откидывая воротник и поправляя косынку.

Андрей, прищурившись, смотрел на село.

— Нравится тебе заводской поселок? — спросил он, обернувшись к Наталье.

— Очень! Как-город! Я вчера прямо-таки залюбовалась.

— И мне нравится. Я думаю, что мы свою новую Ореховку в таком же плане строить будем. Вернее, достраивать: фундамент у нас уже готов — вот он. — Андрей показал рукой на ту часть села, где виднелись постройки артельного двора, школа, клуб и гидростанция; от нее разбегались во все стороны серебристые нити проводов.

Наталья посмотрела туда, мысленно дорисовала картину новой Ореховки, улыбнулась:

— Хорошо жить, когда жизнь свою сам строишь и как, как нравится!

— Да, Наташа, — подтвердил Андрей, великое счастье быть хозяином на земле.

Выехали на вершину увала.

На равнине золотистыми гребнями переливались под ветром созревающие хлеба, блестела светлая зелень кукурузы, оранжево пламенели облитые солнцем подсолнечники. Паровые поля, распаханые то треугольниками, то квадратами, то длинными полосами, волнисто изогнутыми по плоским холмам, были черны и чисты.

— Раньше, как доедешь сюда, музыку из села уже слышно было, — сказала Наталья.

— А вот гидростанцию пустим, тогда и радиоузел снова оборудуем.

— Догадались мы аппаратуру спрятать, разбили бы ее немцы.

— Теперь у нас и специалист свой будет, Садовников прямо гору с плеч снял у меня.

— Мне его жена говорила, что к нам собираются наднях приехать — посмотреть гидростанцию нашу.

— Вместе приедут?

— Да.

— Хорошая семья, дружная, согласная, — похвалил Андрей. — Сынишка у них уже большой — вылитая мать.

— Счастливые они, — с ноткой грусти проговорила Наталья.

Андрей вспомнил, как задумчиво посмотрела она вчера на него во время разговора с Садовниковой.

— А вот мы с тобой, Наташа, — начал он заметно взволнованным голосом, — бобылями живем. Давай жизнь свою вместе устраивать?

Он выжидательно замолчал. Легкий румянец покрыл его загорелое лицо.

Наталья потупилась и будто маки расцвели на ее щеках.

— Не говори сейчас ничего, — сказал Андрей, видя ее смущение. — Подумай, потом скажешь.

Дорога сбегала вниз, к селу. Лошади, вскидывая головами и выгибая шеи, пошли размашистой рысью. Ветер трепал кончики натальной косынки, играл в завитках волос. Тачанка, будто летела на невидимых крыльях над залитым солнцем простором полей.

— Ух, широта-то какая! — возбужденно произнес Андрей, раскинув руки.

— А сколько богатства на ней! — подхватила Наталья. — И все наше!

— Наше! — Андрей махнул рукой. — На веки вечные наше! Живи, хозяйствуй, богатей! — Он взял и крепко сжал руку Натальи. — И будем жить, Наташа. Жить богато, красиво! Все, что захочет, сделает человек для себя!

«Вот с кем буду я строить жизнь красивой и богатой», — думала Наталья, слушая Андрея.

Она ответила ему крепким пожатием руки.